Кадина И.Г.
1989г.

Ираида Георгиевна Кадина

(1921-1996)

Архитектор, график, профессор МГХПУ им.Строганова (1960-1996), лауреата премии Совета Министров СССР. Основа ее творчества как художника-графика – театральный портрет. Предмет творчества как архитектора – мемориально-декоративная скульптура.

1. Кадина И.Г.
Фото 1941г. Н.И.Свищов-Паола

Родилась в 1921 г. в Киеве в семье художника, члена АХРР, артиллериста, авиатора -Кадина Г.П. Рисовать начала очень рано то, что волнует, что потрясает.

В 1939 году Ираида Кадина поступила в Московский архитектурный ´институт.

С первых дней Великой Отечественной Войны работала медсестрой в прифронтовой Москве: перевозила раненых с вокзалов, аэродромов в госпитали, клиники. Была награждена медалью « За оборону Москвы». Делала зарисовки и вела дневник, позже из этого сложилась повесть «Аудитория-война», героями которой стали многие и многие однокурсники – архитекторы. Повесть издавалась отдельными фрагментами и еще ждет выхода в свет.

Закончив с отличием МАРХИ в 1946г., Ираида Кадина участвует в творческих выставках. Она создает портреты и альбомы гравюр выдающихся деятелей отечественного искусства (Н. Гриценко, Л.Мансуровой, Ю.Борисовой , Н.Мордвинова, И.Архиповой, Г. Улановой, С. Лемешева, А.Мелик-Пашаева, М.Булгакова и др., и мастеров зарубежной сцены: выдающихся анлийских Гамлетов - Пола Скофилда, Джона Гилгуда, Лоуренса Оливье, Майкла Редгрейва. Многие работы хранятся в наших музеях и были опубликованы, многие – за рубежом

Ираидой Кадиной создано более 300 творческих работ: проекты мемориалов, мемориальных досок, живопись, графика, портреты выдающихся мастеров искусства.

Многие проекты осуществлены в натуре в соавторстве с видными скульпторами: Бургановым А.Н., Жилкиным Г.Д., СоловьевымА.В,С.А.Савиным:Мемориалвоинам–защитникам Москвы в Ховрино, монумент московским ополченцам в Богородицком под Вязьмой, мемориал «Сожженная деревня» в Леоново и др.

Миротворческий нрав Ираиды Кадиной, доброта, широкая эрудиция, горячий энтузиазм в любом деле, внимательность к каждому человеку, способность воспринимать - создавали

вокруг чудесную, на редкость дружную, товарищескую атмосферу... Люди испытывали к Ираиде Георгиевне огромное уважение, любовь и благодарность за ее работу, высоко ценили ее творчество.

Предлагаются фрагменты неопубликованной повести Ираиды Кадиной «Аудитория-война» с рисунками автора. (Из архива Жернаковой Н.Ю.)

Прифронтовыми рейсами. Записки медсестры.

22 июня, 1941 г.

« Только вчера, в субботу мы, студенты Архитектурного института, собравшись у фонтана во дворе, радостно и живо обсуждали перспективы предстоящей летней практики. Как все будет интересно: строительство большого дома на Можайском шоссе, потом обмеры памятников архитектуры во Владимире и Суздале... Мы впервые выходим за стены института в настоящую, большую жизнь. Постараемся поехать все вместе, четыре верные подруги — Наташа, Вера, Зоя и я. И вдруг...

— Правительственное сообщение!..

«Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали ее границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие...»

Война!

В раскаленной Москве бурлят и движутся людские толпы, словно в какой-то большой народный праздник... Но только — ни смеха, ни песен, ни музыки. И это — страшно...

Считаю себя мобилизованной — всю зиму ходила на занятия по путевке комитета комсомола в санитарную дружину. Кто знал, что это понадобится так скоро?...

Звонит телефон. Из райкома РОКК — созывают санитарную дружину. И вот мы уже на дежурстве, в помещении «Скорой помощи» института Склифосовского. Время за полночь. Какой длинный, напряженный день. Неужели прошел только один день?..

Утром иду домой. Мама еще с вечера постелила мне постель, ждала всю ночь. Спать не хочу. Сейчас в райком — сдать дежурство. Потом в институт. Вокруг фонтана снова сбор. Большая новость; мы все будем медсестрами. Два месяца учебы — и на фронт! На фронт!..

27 июня

Начались занятия на курсах медсестер (2).

По утрам — лекции по анатомии и фармакологии, после обеда — практика в анатомическом театре МГУ. Расписание напряженное. Доктор Якобе

2. Курсы медсестер. 1941г.

сделал все, чтобы мы прошли самую полную программу. Вслед за курсом по хирургии, который он читает сам, — практика в институте Склифосовского. Затем курс лекций по терапии в клинике на Пироговской прочтет профессор С. А. Гиляревский. (9) У него пройдем и практику.

Улеглись волнения первых дней войны. Установился новый распорядок жизни. Мы заняли свое место в ходе событий.(4.1)

9. Кадина И.Г.
С.А.Гиляревский. Б.к.

30 июня

Началась практика в институте Склифосовского. Конечно, мы мечтали лечить героев, спасать им жизнь. А нас определили в мужскую палату больных с язвами желудка и аппендицитами. — Вы ждете раненых? — спрашивают нас. — Их пока что нет. Фронт
далеко.

7 июля

— Девочки, там сидит профессор, которого Нестеров рисовал!
— Юдин?
— Ага.

В перевязочной мы старались все замечать и запоминать. Молодой хирург снимал швы у больного после аппендицита. Возле большого окна сидел Юдин и молча наблюдал за нами.

Через стекла очков его глаза казались особенно большими и внимательными. После одной из перевязок он жестом своей тонкой руки остановил врача и, кивнув в нашу сторону, сказал:

— Следующего пусть они попробуют сами... Ну, кто первая? Смелее! Мы испуганно молчали. Вдруг вышла вперед Наташа. Подошла к умывальнику и стала по всем правилам мыть руки. Мы уже досадовали на свою робость — каждая из нас это может! Чтобы не мешать, мы отошли в сторону, где сидел Юдин и с любопытством наблюдал за Наташей. (8)

— Ну, что ж, отлично! — сказал он, вставая и посмотрев на часы. — Пора на операцию.

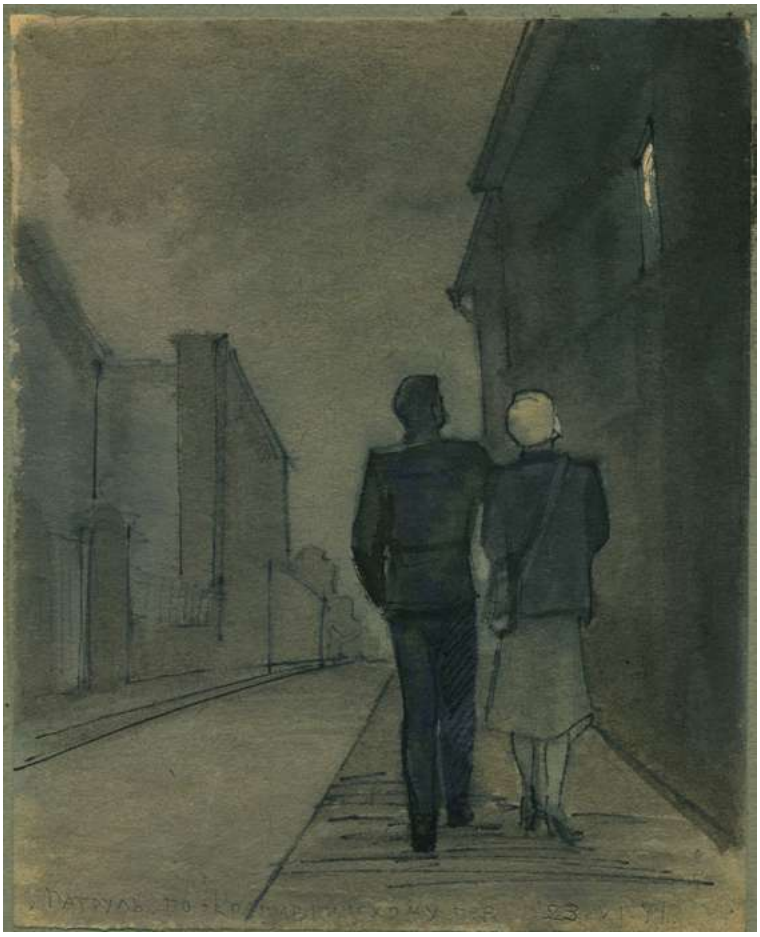
— А нам можно? — спросил кто-то из нас и тут же спрятался за спину соседки.

Юдин улыбнулся.

— Отчего же?.. Прошу. Сестры должны знать все. Мы понеслись к старшей сестре отпрашиваться.

— Нас пригласил Юдин!

По подземному туннелю идем в операционную. Тихо, не дыша, проходим на трибуны.

4.1. Кадина И.Г Ночной патруль по Крапивинскому пер. Б.акв.

Фигура хирурга почти неподвижна. Напряжение видно только в повороте головы и движении шеи. Зато руки его работают спокойно. В светлых перчатках, туго обтягивающих каждый сустав пальцев, они необычайно пластичны, подвижны и точны.(5)

— Поэма! — шепчет Зоя.

Хирургическая сестра строго вскидывает на нас глаза, и мы застываем в безмолвии...

21 июля

Где-то умудрилась простудиться. Лежу в постели. Тоскливо. В голову лезут черные мысли — фронт приближается к нам... Сквозь сон прорвался вой сирен.

— Тревога! Тревога! Вставай!..

Широченная ночная Самотека пуста. Звенящий воздух вдруг умолк.

В наступившей тишине возник незнакомый доселе зловещий гул... По кругу, насколько хватает глаз, поднялся забор белых светящихся столбов. Прожекторы! Гул переходит в отдаленный гром. Он быстро растет. Самолеты?!

— Похоже, что сегодня всерьез, — взволнованно гася папиросу о водосточную трубу, говорит дежурный у входа в бомбоубежище.

Небо затрепетало. Нервные пальцы прожекторов уже нащупывают то-то. С запада летит смерть,.. Дежурный поспешно закрывает за нами тяжелые двери бомбоубежища. В подвале народу — тьма.

8. Кадина И.Г. Медсестры на перевязке у С.С.Юдина. Б.т.

5. Кадина И.Г. «Операция С.С.Юдина». Рис. 1941г. Б.т.

Размещаются деловито. Мы с мамой оказались у наружной стены, мое плечо прижато к ее сырой толще. Начинает знобить. (7)

Канонада слышна все отчетливее. Все замолкают. Глухой удар толкает землю. Здание вздрагивает... Никто не спрашивает, что это.

Снова слышен гул стрельбы. Опять глухой удар. Свет лампочек мигнул и потускнел.

Кадина И.Г. « В бомбоубежище». Б.кар.

— Не в МОГЭС ли? — звучит испуганный голос.
...Приглядываюсь к полумраку — почти все спят! Раскаты дальних выстрелов доносятся, как уходящая гроза.
— Отбой! Отбой!

Все поднялись разом, как на вокзале перед приходом поезда. Затекшие ноги дрожат.

Утренний ветерок оживляет наши бледные, помятые лица. С юга через все небо стелется широкий полог дыма. Пожар. Спешат бойцы МПВО. Пока мы сидели в подвале, они боролись с огнем, спасали людей.

22 июля

В девятом часу к нам порывисто вошла Зоя.
— Вы целы? А вокруг нас что натворили!

К одиннадцати идем на операцию Юдина... Ярко вспыхнула лампа под серебристым конусом, все придвинулись, приготовились. Начали. Жарко. За окнами солнце.

Мы боготворим Юдина. Слава о знаменитом хирурге живет вокруг нас. Мы стараемся понять, что и как он делает. Но нас захватывает и само зрелище: гармония движений и духовных сил в работе хирурга.

Едва салфетки обагрились кровью, как по замешательству персонала мы поняли — тревога. Тревога! Второй раз в день. Гром стрельбы приближается. Забарабанили осколки. Глухой удар сотрясает землю...

Юдин, кажется, ничего не слышит! В очертаниях нервного профиля, в надувшихся венах на висках — напряжение. И в то же время его руки парят в воздухе, подобно птицам; слегка колышущиеся чуткие пальцы, как у музыканта, работают быстро и точно.

Раз Юдин так спокоен и ничего не слышит, раз он занят только делом — будем спокойны и мы. Но вот страшный удар потряс операционную. Тугая волна плеснулась вперед и отхлынула, точно стен вокруг и не было совсем. Треск зениток понесся вслед за самолетом. Над головой гремит, точно гигант бьет по железу молотом.

Человек привыкает ко всему. И мы устали бояться.

Операция идет к концу. Юдин чаще выпрямляется. Вот он сказал что-то ассистентам. Судя по морщинкам у его прищуренных глаз — улыбнулся. На всех лицах тоже улыбки. Что? Что он им сказал? Юдин рассказывает... анекдот! Усталые глаза врачей светлеют.

Гул стрельбы уплыл вдаль, незаметно наступила тишина. Долгожданная!.. Как хорошо звенят ножницы, брошенные на стеклянный столик!

Юдин стягивает перчатки и медленно удаляется из операционной.

18. Кадина И.Г. Завод КИМ. Студенты МАРХИ на маскировочных работах.

24 августа

Льет дождь. Пять дней уже нет тревоги. Пять дней спим спокойно. Давно ли мы держали экзамены на курсах медсестер и думали, что нас тут же пошлют на фронт? Напрасно. «Ждите, вас вызовут, когда будет надо». Мы получили военные билеты с пометкой «Сержант запаса» и встали на учет по месту жительства.

Вторую неделю работаем в батальоне маскировщиков МПВО. (18, 21, 24, 25)

Руководит нами Борис Маркус — наш комсомольский вожак.

21. Кадина И.Г. Маскировка мавзолея Ленина. Б.т.

24. Кадина И.Г. Маскировочные работы. Б.т.

25. Кадина И.Г. На маскировочных работах Б.к.

2 сентября

Начался учебный год. Мы будем учиться, а по пятницам и субботам работать по маскировке.

25 сентября

Занимаемся в институте. Но нас не покидает чувство пассажиров на вокзале перед отходом дальнего поезда. Все чего-то ждут. Каждый день узнаем, что тот или другой студент уже ушел добровольцем на фронт.
Многие студенты так и не вернулись еще с лета. Что с ними? Ведь уезжали на Украину, в Белоруссию, Ленинград.

После упорных боев наши войска 19 сентября оставили Киев. Позавчера фронт под Ленинградом остановился на линии Петергоф—Пушкин.

Страшно думать, что теперь там творится.

1 октября

Сегодня сдали Полтаву. Больно. В институте очередная лекция по философии. Владимир Николаевич Сарабьянов, любимец всех студентов, по обыкновению ходит меж столами, засунув руки в карманы брюк, и певучим басом разворачивает критику идеализма в области истории. Его образная, взволнованная речь звучит примерно так:

...— И наш чудесный Герцен, и наш расчудесный Белинский, читая Гегеля и Фейербаха, отлично умели их критиковать!.. Вы понимаете? — Он наклоняется к студенту, пытливо смотрит в самые зрачки. Поймав понимание в его глазах, удовлетворенно отрывает взгляд, выпрямляется и делает паузу. — «Они считали, что Гегель держался в кругу отвлечений, чтобы не смотреть на действительность... Белинский его разносил ужасно. Он творил: не хочу счастья.. если не буду знать о счастье моих братьев кость от кости, кровь от крови». Верно ведь, а?.. А из головы не выходит, что сегодня сдали Полтаву... Этакое творится!

Он взъерошил свои седые волосы, блеснул очками, несколько раз прошелся между столов.

— Вот вы, наверное, считаете, что Германия, ее народ против войны, за нас, что Гитлер силой гонит немцев на войну? Так ведь?.. А это глупо ужасно. Фашистские солдаты уверены — так их всех учили, что для того, чтобы не голодать, они должны завоевывать и побеждать! К тому же на их стороне стальной кулак. Это — не шуточки... Но кулак — это далеко не все... Наш народ еще покажет, на что он способен... Придет время - развернемся с силой и вышвырнем их ко всем чертям, понимаете ли! Так ведь? Так?..

И, помолчавши, отвечает сам себе:

— Иначе быть не может!

9 октября

Сижу дома, черчу проект сельского клуба. Прихварываю... По радио звучит: сдали Орел, бои под Вязьмой. Брянском. Жестокие бои.

10 октября

Тяжелые бои под Можайском, Боровском, в направлении Калуги...

12 октября

С утра до вечера грозные слова: угроза Москве... И на улице темно: весь день — сумерки!

Из окон дует. Батареи холодные. Ходим как в трауре: мама в черной фуфайке, я — в суконном дядином бушлате.

14 октября

Наши войска оставили Вязьму... Нет сил лежать и болеть. До Москвы 225 километров!

16 октября

На душе тяжело. Внутри словно все отупело... Вдруг по радио оборвалась пестрая лента музыки, весь день мучительно сверлившая голову, и диктор зачитал приказ товарища Пронина о том, что наблюдавшиеся в Москве беспорядки необходимо прекратить и продолжать «нормальную жизнь столицы»...

— Что это? — встрепенулась я. Зря так ведь не скажут... — «Нормальную жизнь»!... — Искры неясной надежды озарили сердце.

Когда сели ужинать, позвонила по телефону Наташа и сказала, что архитектурный эвакуируется в Ташкент. Маршрут: до Ярославля пешком, а оттуда эшелоном. Завтра в шесть утра сбор в походном порядке. Кто не явится, отчислят.

Как мучительно принять решение! Мысли лихорадочно пляшут... Никуда я не поеду!

17 октября

Проснулась рано. Солнце слепит. По радио — симфония Бородина.

Брожу по Москве. Морозно, На грузовиках едут бойцы в теплых серых ушанках. У них обветренные лица и добрые глаза. Машут руками.

Вот прошли тяжелые танки, оставляя полосатые дорожки на свежем снегу. Они движутся на Ленинградское шоссе. (31, 38)

38. Кадина И.Г. Танки идут на Ленинградское шоссе. Б.акв

38. Кадина И.Г. 17 октября 1941г. Б.т.

Около кинотеатра на площади Пушкина с грузовиков спрыгивают моряки, опоясанные пулеметными лентами, как в дни гражданской войны. Моряки! Балтика или Севастополь?.. Посередине площади Маяковского расположилась зенитная батарея. Мимо скользит обоз беженцев. Медленно бредут, коровы, семенят, похрюкивая, свиньи.

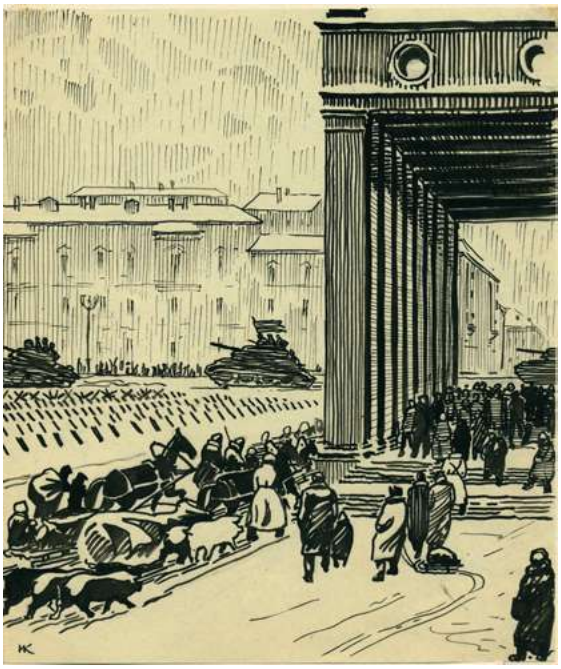
В запорошенных летящим снегом розвальнях, вперемежку с мешками, виднеются головки ребятишек и согнутые спины стариков. Куда они? (30,33)

Откуда?..

21 октября

Все для обороны! Кунцево, Щукино, Покровское-Стрешнево, Химки стали полосой огневых позиций обороны столицы. (27)

Москва на осадном положении... Грозный документ читают по радио несколько раз. Эвакуировано все, что надо сберечь. Осталось воинство. (28)

30. Кадина И.Г. Обозы беженцев. Октябрь 1941г. Б.т.

33. Кадина И.Г. Площадь Маяковского. Октябрь 1941г. Б.акв.

Сама Москва готовится к бою. Красная Пресня снова впереди, как в дни революции. Письмо бойцов Всеобуча Краснопресненского района в «Правде» волнует как звук трубы: «...не бывать поколению краснопресненцев рабами фашистских баронов!»

Как все переплелось! Бородино и Пресня... Баррикады, надолбы, комбатальоны. «Не Москва ль за нами?»... Шесть дней шел бой у Бородина. — Ужасом повеяло на них от этих мест, — говорит мама. — Немцы не прошли через поле. Стороной обошли...

23 октября

... Вера рассказала, как бурно проходило собрание в Красном зале Архитектурного института, как после объявления об эвакуации тишину прорезал взволнованный голос: «А кто же будет защищать Москву?» Удивительно, что спросил это самый тихий студент пятого курса Марк Васильев...

— И тут такое поднялось! — Вера сжала виски руками. — Многие решили идти в ополчение... Знаешь, я тоже пойду. Только сначала в Пензу, к маме загляну... Она не знает обо мне ничего... А там... Не поеду я в Узбекистан! Чего я там не видала?..

31 октября

Встретив на улице Атю Заселяеву, узнала, что есть место, где мы можем оказаться полезными: Московский эвакопункт. Заселяева, как и я, окончила курсы медсестер. Все звали ее сокращенно Атя, хотя ее полное имя Антонина. С первого курса института она славилась как лучшая спортсменка, прекрасно рисовала и увлеченно писала этюды маслом.

Атя рано начала трудовую жизнь и содержала двух престарелых женщин: мачеху и тетку. Они обе заменили ей рано умершую мать. Раньше мы с Атей мало общались, но теперь при встрече поняли друг друга с двух слов: она тоже хотела работать медсестрой в госпитале или на передовой.

А фронт под Химками! Вся медицина Москвы в ведении Московского эвакопункта, его центр помещается в знакомом нам институте имени Склифосовского.

27. Кадина И.Г. Оборонный вал на окраине Москвы. Б.к.

28. Кадина И.Г. На подступах к Москве. Оборонные рвы под Можайском. Б.п.

Нас сразу принял начальник эвакопункта Сергей Иванович Федоров. Его военная выправка, кожаная куртка, перетянутая ремнями, и гордо посаженная голова с пронзительным взглядом отличали человека, прошедшего суровую закалку. Федоров, молча, смотрел на нас в ожидании.

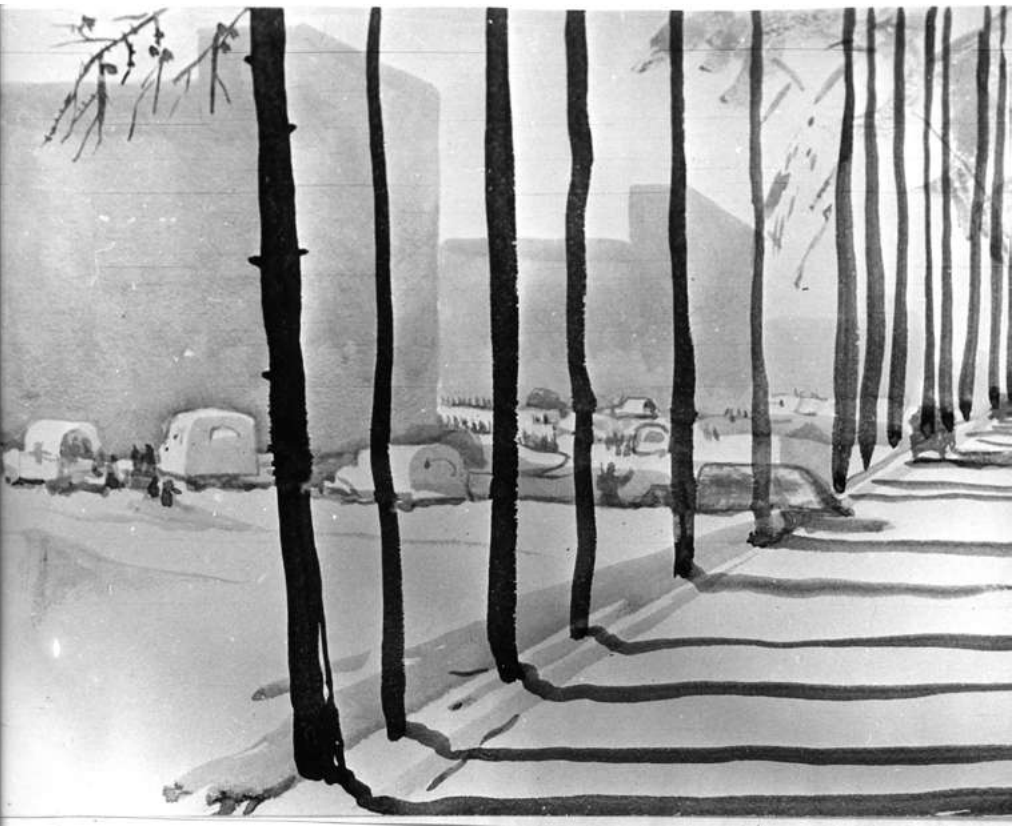
— Мы из Архитектурного института, — заговорила Атя, — окончили двухмесячные курсы медсестер. Вот пришли к вам...

— Правильно сделали! — медленно отчеканил он, не спуская с нас внимательных глаз. В голосе у него прозвучало больше, чем одобрение — по его блеснувшему взгляду я догадалась, что он понял, почему мы пришли.

Короткие приказания по телефону пожатие руки, добрая улыбка. Мы приняты. Завтра — на работу.

5 ноября

Первый день работы. В дежурной комнате, ожидая вызова, наслушалась страшных рассказов о бомбежках санитарных машин. Больше всего боялись ехать на Лиственничную аллею, которую для простоты все называли «Лиственной». Это таинственное название упоминалось чаще всего, и притом в самых мрачных обстоятельствах. Если ехать туда в тревогу, говорят, дело пропащее... (22)

22. Кадина И.Г.Лиственная аллея. Б.т.

Где-то вдали завыли сирены.

К ним присоединились фабричные гудки. Опять тревога. Бывалые сестры и шоферы притихли, ожидая, кого теперь позовет диспетчер.

Диспетчер вызвала меня.

— Куда тебя? — с тревогой спросили сестры.

На Лиственную аллею...

— Ни пуха, ни пера! — крикнули вслед мне голоса.

С волнением села в автобус. Всегда вот так: чего боишься, то и получаешь! Над кожаными сиденьями висят железные рамы. Их пять. Мысленно стараюсь представить себе, как носилки крепятся на эти рамы.

Шофер Коротченко, лихой водитель, стремительно гонит машину по Дмитровскому шоссе. По сторонам — ржаное поле, окутанное молочным туманом. Вот поворот налево. Замелькали стволы деревьев. Мы въехали в аллею старых лиственниц. Ворота. Часовой. Мрачные корпуса кирпичных зданий общежития «Тимирязевки». Вокруг — бескрайнее поле, у подъездов стоят автобусы, маленькие и большие, на шесть и на десять носилок.

Пестрят белые повязки. Через дворы плетутся вереницы легкораненых — серых, небритых. Одни садятся в автобусы и уезжают в город. Другие вылезают из обрызганных грязью, выкрашенных в бурый цвет фронтовых грузовиков с брезентовым верхом. Пробегают сестры в накрахмаленных белых косынках и тяжелых сапогах. Санитары снуют с баками горячих щей, корзинами хлеба, ведрами, судками, с охапками дров, тюками белья. Эвакуаторы мелькают между машин, ругают шоферов, загромоздивших дороги, командуют, кому куда ехать и идти. Интенданты считают одеяла и подушки, грузят какие-то ящики в машины, что-то записывают, кричат, умоляют и вдруг утихают, пропуская идущие мимо вереницы носилок с «тяжелыми». О тревоге здесь, казалось, никто и не думал! (36)

36. Кадина И.Г. Сортируют раненых. Б.кар.

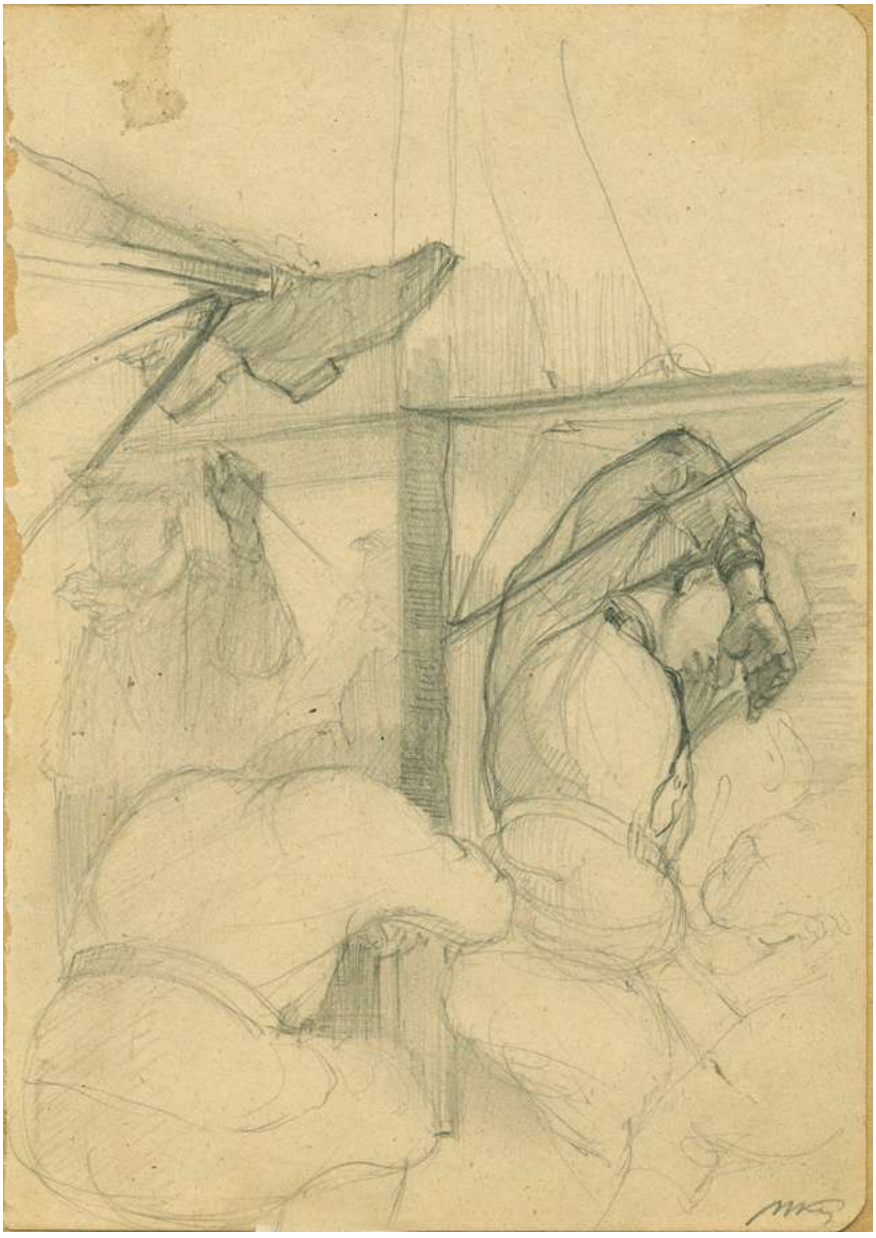
Мне погрузили двадцать четыре «ходячих». Молодые и бородачи, с руками на перевязи, на костылях, в гипсовых повязках до самого горла, в шинелях внакидку, забинтованные до самых бровей, слепые и оглохшие, мрачные и веселые, озлобленные и детски простодушные.

Потом три рейса с носилочными. Шофер помог мне все устроить, ласково укрывал одеялами забинтованные ноги раненых, чтобы не промерзли, проверял крепления рам для носилок в автобусе. Здесь я впервые почувствовала, что такое дорога... Бывало, едешь на автобусе, слегка покачивает — хорошо! Но когда везешь раненых, все меняется, любая неровность встряхивает носилки. Даже если совсем ровно, носилки трясутся на пружинах, но если рытвина!.. Носилки просто прыгают, и тогда раздается стон и скрежет зубов. Чтобы уменьшить тряску, я повисала на рамах, тормозила их руками. Хуже всего — трамвайные рельсы. Тут уж никакие силы не помогут. (10)

10. Кадина И.Г. В санитарном автобусе. Б. п.

Весь день езда с вокзалов в госпиталь. То легкораненые сидят, тихо покуривая самокрутки, то тяжелые качаются и стонут на носилках. (40)

40. Кадина И.Г. В санитарном автобусе. Б.кар.

... Уже поздно вечером мне дали шесть тяжелых. Везти далеко: с Лиственной в клинику на Пироговской. Пока грузили автобус, я стояла у подъезда и слушала вой ветра в поле. Его холодные волны ударяют то в лицо, то под колени. Не видно ни зги. Точно и нет нигде Москвы. Только огромные лиственницы дрожат, раскинув длинные лапы. Какой заунывный вой! Так и сердце сжимается от тоски и непонятной тревоги.

— Сестрица! Вот очень тяжелый, задет мозг... Без сознания. Фамилию так и не узнали, — тихо сказал санитар, поднося на носилках молодого воина с белоснежной повязкой на запрокинутой голове. (15)

— С вами врач поедет... Но ты от него не отходи!

На петлицах у раненого три треугольника, золотой уголок и скрещенные пушки. Артиллерист, сержант...

Запыхавшись, прибежала врач. Санитары бережно укрыли раненых новыми отглаженными одеялами.

— Теперь все, трогай! Смотрите за тяжелыми, за пульсом... — предупредила меня врач, садясь в кабину рядом с шофером.

Взяла руку артиллериста. Он в бреду. Пульс тонкий, как волосок, частит пулеметной очередью. Лицо пылает в раме марлевого шлема: темные брови, упрямо сомкнутые губы. Юное, прекрасное лицо.

Каждую минуту раненый готов сорваться с носилок. Вот он хмурит брови. Озабоченно ищет что-то, теребит воротник гимнастерки. Быстро отстегивает на груди левый кармашек, шарит там нервными пальцами. Снова застегивает. «Надо... надо все... кроме...» — быстро выпаливает он.

— Что? Что надо? — спрашиваю я.

Артиллерист снова ощупывает кармашек на груди, снова заботливо застегивает пуговицу. Движения его очень выразительны: похоже, он хочет передать мне записку или документ. Жду. Рука его вырывается из моей ладони. Судорожно хватает край синего одеяла, сбрасывает с груди. Он весь напрягается, как струна. Вскидывает правую руку, рассекает ею воздух:

— О-гонь! — громко подает он команду, не открывая глаз...

15. Кадина И.Г. Тяжелораненый артиллерист. Б.уголь

Помертвев от ужаса, пытаюсь поймать его руку. Он сердито вырывает ее. Снова энергичный взмах. Снова команда: «О-гонь!» Глаза его плотно зажмурены... Но он видит бой! Там, верно, что-то не так. Лицо! искажается гневом: «Н-е-т!» — кричит он и пытается вскочить. Всем, телом наваливаюсь, прижимая его плечи к жесткой парусине носилок..! В бреду артиллерист снова командует своим орудием! И, кажется, видит, как на батарею надвигаются танки, вздымаются их громыхающие днища, гусеницы давят захлебнувшиеся орудия, их расчеты. Раненый скрежещет зубами, не размыкая губ. Кулаки его сжаты так, что белеют суставы.

С силой сжимаю его руку. Он неожиданно успокаивается. Дыхание становится тише. Кажется, бред прошел?.. Слезы душат меня. Мое волнение и мое страстное желание помочь ему, словно дошли до него сквозь горячечный бред. Он начинает тихо перебирать мои пальцы, точно вспоминая что-то отдаленное. Как слепой, юноша силится угадать, кто держит его руку. Он делает усилие приоткрыть глаза. Посмотреть! Усилие, еще... Дрожат длинные мокрые ресницы. Радостно жду, что сейчас он, наконец, придет в себя. Но... увы! Не открыл. Казалось, безнадежное старание открыть глаза и узнать, кто же с ним рядом, отняло у него последние силы. Быть может, это была надежда в последний раз увидеть подле себя родное, любимое лицо!..

Он снова погрузился в забытье. Пульс быстро падает...

— Доктор! Камфору!

Укол... Минуты казались вечностью... Но вот пульс появился! Врач снова забралась в кабину. Мы едем дальше.

Не свожу глаз с артиллериста. Умирает... Кто он?..

В полной темноте подъехали к Пироговской клинике. (16)

16. Кадина И.Г. Госпиталь на Пироговской. Б.кар

Я бросаюсь вниз, в подвал, где приемный покой. При свете синих ламп поднялись люди в белом.

— Скорее! Тяжелораненые! Скорее, только скорее! — кричала я не своим голосом, бросаясь обратно к автобусу.

Санитары вихрем взбежали по лестнице, неся носилки. Теперь он на каталке в приемной. Губы упрямо сомкнуты. Точно спит. Лицо в огне. Мокрые клочки волос, капельки пота на лбу.

— Как его фамилия?

— Неизвестно, — ответила я, но, вспомнив, как он отстегивал карман гимнастерки, поспешно добавила. — Постойте! Может быть, узнаем...

В левом кармашке, куда он тянулся тревожной рукой, лежал комсомольский билет.

— Нисенко Иван Григорьевич, двадцать три года...

— Живо наверх! — скомандовал хирург. — На стол!

Остальных разгружали без меня. Я вышла на воздух. Голова кружилась, и звенело в ушах. Не разбирая дороги, как лунатик, поплелась к темневшим деревьям и почти упала на скамью... Сейчас он умрет. Это ясно. Жил, мечтал, сражался за жизнь. Прощай, огневой сержант!.. Нестерпимая боль и ярость захлестнули меня...

Быть может, это судьба — встретиться мне с этой смертью? Чтобы понять, что и тот, кто мне дорог, сейчас, может статься, где-то погибает. Я взглянула на небо: почему оно так спокойно? И звезды — так далеки от всего, что творится с нами!..

Шофер легонько дотронулся до моего плеча и участливо спросил, не плохо ли мне.

— Поедемте скорее домой, — попросила я, забыв, что поедем мы вовсе не домой.

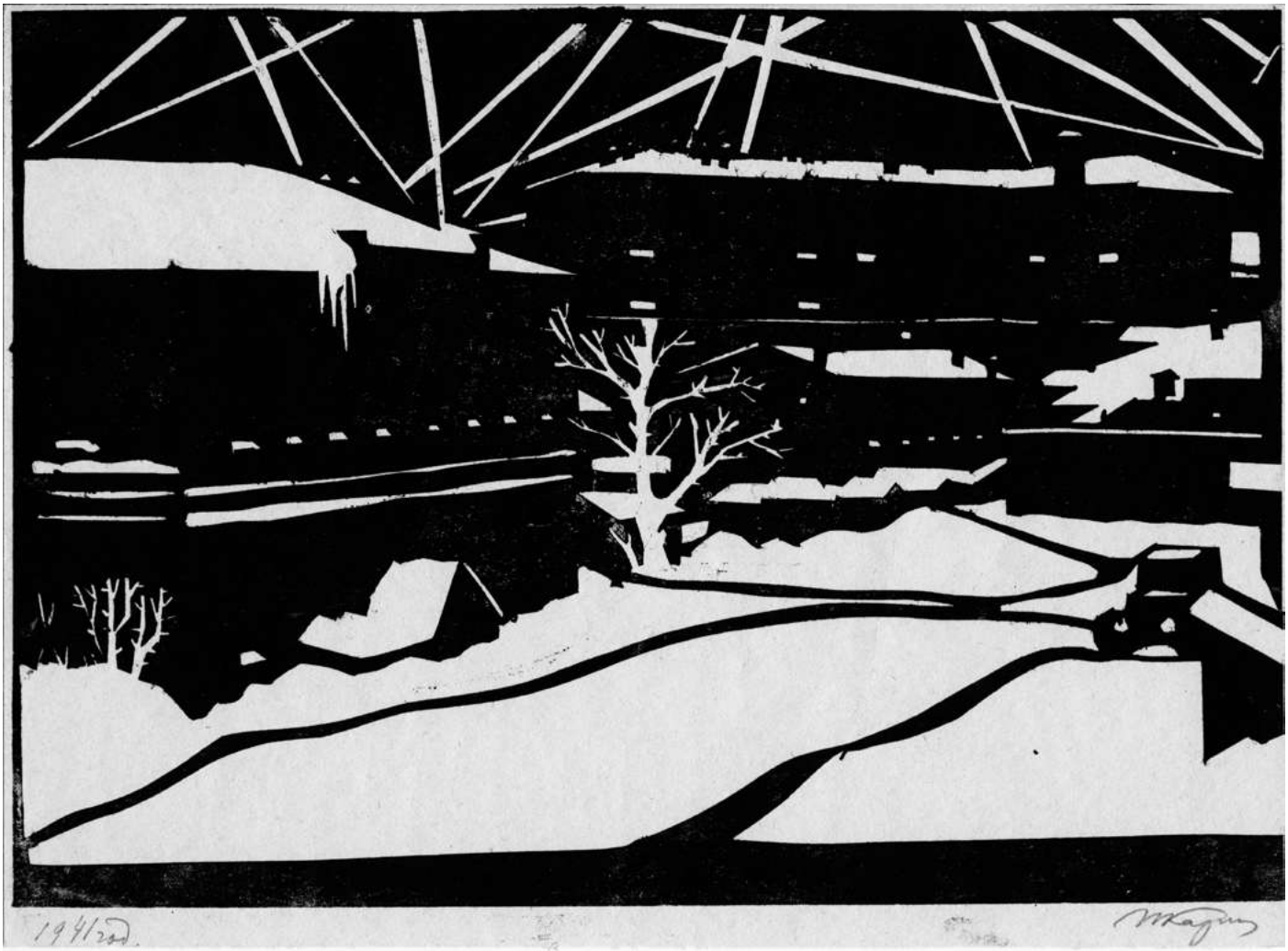
— Скорее так скорее, — оживился он. — Сейчас тревога будет.

Я снова глянула на небо. Оно уже не то. Опять забегали лучи прожектеров, заплясали красные звездочки разрывов. Нет! Даже в небе не стало ни мира, ни покоя.

34. Кадина И.Г. По ночной Москве. Б.т.

Под гулкие выстрелы и раскаты дальних орудий мы тронулись со двора клиники. По горизонту, насколько хватало глаз, живой изгородью стояли нити прожекторов. Они то шарили тревожно, обгоняя друг друга, то вдруг замирали, скрещиваясь в смертельные пучки. Один такой пучок медленно полз прямо к нам. И вдруг остановился над самой головой. Шофер дал полный газ. Машина рванулась, как испуганный конь. В главах замелькало. Сзади загрохотали зенитки, бешено застучали пулеметы. (34)

29. Кадина И.Г. Ночные налеты. Грав.

Примчались в центр. Вот темный полукруг колоннады института Склифосовского, поворот е переулок, наши ворота, ряды автобусов и черных ЗИСов. Не видно ни души. Уже пятнадцать минут, как объявлена тревога.

7 ноября

... Ночью выпал первый настоящий снег. В комнатах светло. На улицах горят алые флаги. Праздник! Громко играет музыка, репродуктор доносит раскатистый голос: «Говорят все радиостанции Советского Союза... начинаем передачу с Красной площади парада частей Красной Армии...»

Это чудо! Парад! Жаль, что сегодня много разъездов, и я не услышу всего.

8 ноября

Беру газету. Просто не верится! На трибуне Мавзолея члены правительства. Идут пехотинцы, винтовки на плече, как копья древних витязей, у всех снежные воротники и шапки, а на бровях и на ресницах белые звездные узоры.

В Москве объявлен субботник. Все для обороны. Население Москвы сдает ценности и деньги в фонд обороны. Прямо как при Минине и Пожарском...

Жители районов приходили на субботник колоннами, с флагами, как на демонстрацию! Устанавливали надолбы и ежи. Говорили, что стальной каркас Дворца Советов тоже служит свою службу. Ничего! Построим новый.

9 ноября

... На площади у Белорусского вокзала прямо на снегу темнеют ряды носилок. У изголовий раненых толпятся женщины: поят из бидончиков чем-то домашним, теплым. Заглядывают с надеждой в лица: не свой ли, не знакомый ли?

...Уже в сумерках делали очередной рейс из Комгоспиталя в Лефортово, направляясь на Сортировочную. Всю дорогу воздух громыхал от выстрелов у нас над головой. Вот проехали какие-то красные ворота и покатились меж берез. Это станция Сортировочная. Воздушный налет в разгаре. (29,)

Огонь зениток сменялся ревом самолетов. Огромный вал стрельбы катался за облаками из края в край, то уходя в сторону центра, то снова накатываясь на нас. Воздушный бой!

....Несмотря на тревогу и сильную стрельбу, поезд грузили. Состав зеленых вагонов одиноко стоял среди берез и маленьких бараков, занесенных снегом.

— Подавай сюда! — крикнули мне тотчас.

Работали быстро, напряженно. В чистые, выкрашенные внутри белой краской санитарные вагоны грузили «моих». Люди, точно не замечая стрельбы, делали свое дело. Осколки шлепались в снег, стучали как град по крышам пакгаузов и вагонов. Страшные раскаты грохотали над нами, сотрясая воздух. Хладнокровие санитаров и врачей передалось и мне.

Далеко за полночь я бежала от Колхозной площади под горку домой. В квартире ни души. На столе — укутанный горячий чайник, хлеб, сахар. Чего же больше? Едва я утолила голод, раздалась пятая за этот день тревога. Я побрела уныло в подвал под нашим домом. Подвал надежный, со сводами боярских времен.

35. Кадина И.Г. Раненый танкист. Б.п.

11 ноября

По пути из Комгоспиталя на Сортировочную разговорилась с молодым танкистом. Он ранен в ногу и ходит на костылях. (35)

— Вы когда ранены?

— Девятого ноября. У Подольска...

— Как дела там? — тихо спросила я.

— Хорошо, — еще тише отозвался он и, вдруг встрепенувшись, глянул с улыбкой. — Но «он» Москвы не видал и не увидит! Не волнуйтесь здесь, будьте спокойны.

На фоне замерзшего окна автобуса ясно смотрится его профиль. Кого он мне так напоминает? Печальная линия губ и задумчивый взмах бровей... Руки перебирают древко костыля.

— Отвел танк на завод сам, думал, рана подживет, пока его ремонтируют. А выходит не так: увезут теперь в тыловой госпиталь. И танк уйдет без меня... — он посмотрел в сторону, чтобы я не видела лица.

Так, я думаю, в старину тосковали о своем боевом коне.

....С Ржевского вокзала в Комгоспиталь тронулись не сразу. Автобус был уже полон, когда эвакуатор застучал снаружи по железной дверце:

— Возьмите еще одного... очень тяжелый. Положите хоть на пол…

Рядом с эвакуатором стояли измученные санитары, держа тяжелые носилки, покрытые плащ-палаткой. В тусклом свете разглядела закинутое назад лицо. Что у него? Дышит?

Вздрагивают ресницы, с трудом открывает глаза и тут же заводит их под тяжелые веки. Носилки вдвинули, хлопнула дверь. Тронулись. Беру большую руку, долго нащупываю пульс; его тоненькая проволочка режет мне пальцы. Торопливо достаю камфору и, оттянув нижнюю губу раненого, капаю три капли. Этот даже не попросил запить. Жду... Пульс дрогнул, словно в него влился поток тепла. Еще удар, еще... Пошевелил пальцами, вздохнул. И вдруг открыл глаза.

— Скоро? — шевельнул серыми губами. — В крови плаваю...

— Дайте посмотрю.

Нестерпимо горячий запах крови ударил в лицо. Повязка набухла.

— Совсем немного крови, — обманула я.

Приняла подушку у светлоглазого бойца, наблюдавшего за нами, опершись на локоть, скрутила ее и подложила раненому под поясницу.

— Спасибо, сестрица... — с трудом разжал он зубы. С соседних носилок повернул голову седой боец:

— Терпи, сынок. Я, вона, второй раз продырявлен. Ничего. Куда тебя?

— Бок. Пуля в магазин с патронами... взорвалась... разворотило все.

— Не в живот ли? — тревожно перегнулся лежавший в верхнем ряду.

— Не-ет... В бок.

— Обойдется, обязательно обойдется, — спокойно подтвердил тот, что дал подушку.

— Первый бой, и вот... — ободрился раненый. — Танки подорвали три... и ничего. А с самолета очередь... и на тебе...

— Главное — жить хоти! — нарушил тишину седой боец. — Вот что главное. Жить хотеть надо. У меня дед еще с Севастопольской на деревяшке в деревню прибыл. Георгиевский кавалер! Человек, сказывал он, сильнее смерти. Бывает, и врач руками разводит, а человек живет. И не должен бы, а живет. Кто жить сильно хочет, на том и рана присыхает.

Все молчат. Чувствую, что они, притихнув, слушали этот спокойный, чуть простуженный голос. Ведь так хотелось верить, что человек сильнее смерти!

13 ноября

Мороз. Среди деревьев сизый туман. На длинных березовых косах кое-где сверкают засохшие листья, как золотые ленты. Снег розовый с искрами. Низко вьются крикливые галки.

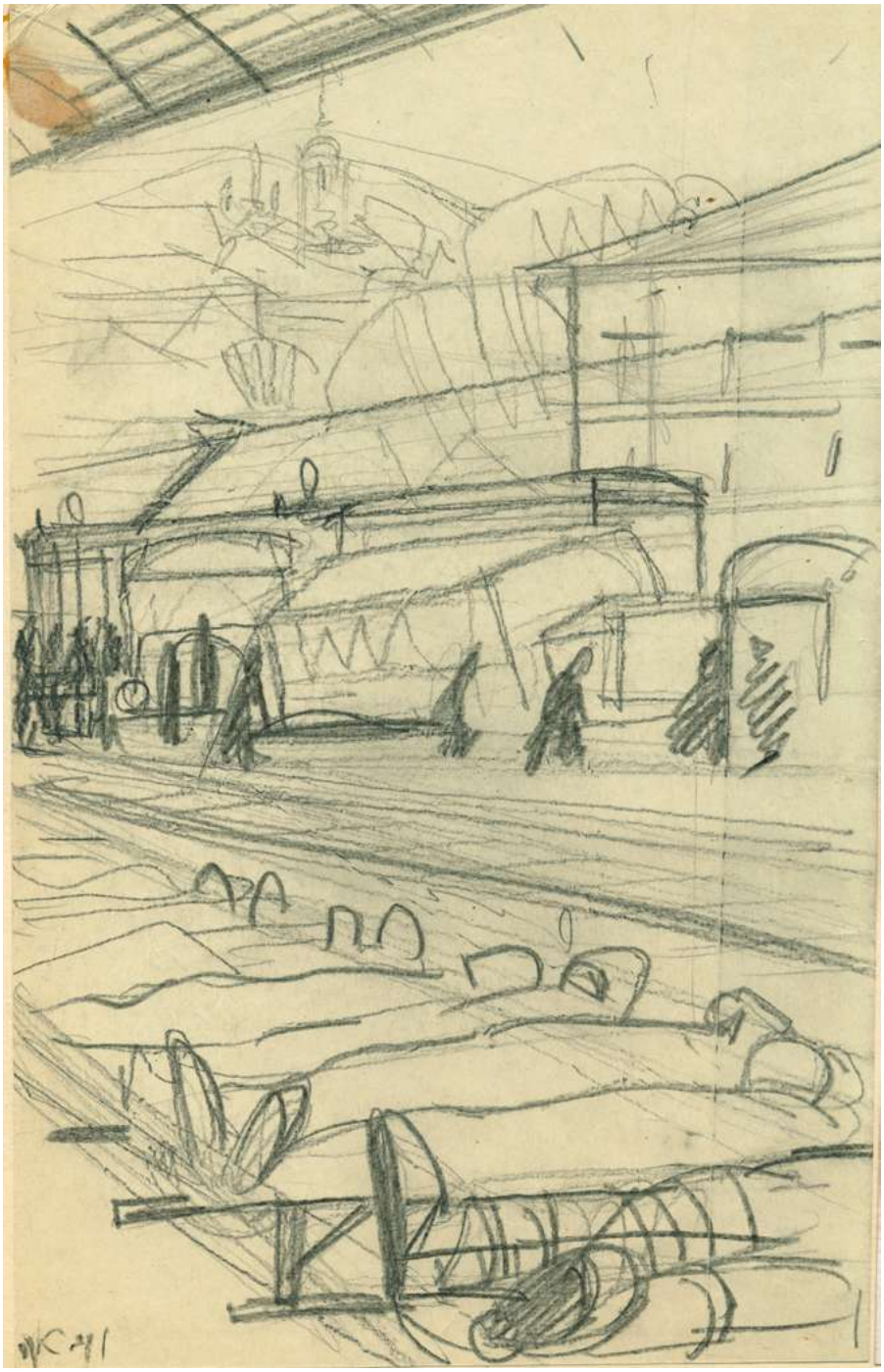
Белая повязка с красным крестом у меня на левом рукаве — пароль и пропуск через все рубежи! Приятно чувствовать свое место в общем действии. И это слово «сестрица» — милое и братски теплое.

19 ноября

Утром встала с великим трудом. В полной тьме бреду до Самотечной площади. Нет сил сидеть без движения в промерзлом трамвае. На деревянном полу ледяной накат. Стучу ногами, напрягаю тело, чтобы согреться. Далекая

заснеженная Благуша! Там наш третий филиал.
....На перроне Октябрьского вокзала длинные ряды носилок с ранеными. Наши автобусы подъезжают вплотную: один за другим. Большинство раненых неподвижны, укутаны до глаз одеялами. Многие в меховых конвертах — это, верно, летчики. Видны из-под капюшонов шерстяные шлемы. (32)

Танкист поворачивает голову из стороны в сторону, но не шевелит ни руками, ни ногами — весь в гипсе. Рядом лежит боец. Голова его — пухлый марлевый шар. Худощавый пожилой пехотинец, сдвинув набок треух с развязавшимися тесемками, не спеша закручивает «козью ножку» и сыплет из кисета махорку; нога его, как огромная кочерга, лежит неподвижно, схваченная шинами с двух сторон.

32. Кадина И.Г. Раненые на Савеловском вокзале.

21 ноября

После суток езды оставили дополнительно еще на ночь дежурить на десятиместном автобусе. Это кажется свыше сил.

— Шофер старый, замечательный, все делает сам, — уговаривала меня диспетчер. — Ну, решайтесь.

Я осталась. И началось...

К Ржевскому вокзалу подъехали в полной тьме. Около черного силуэта здания выстроилась колонна наших автобусов. Грузят прямо с поезда. Осторожно, ощупью едем в госпиталь. Пробираемся почти через всю Москву в Лефортово. Сквозь ледяные окна ничего не видно, а раненым хотелось посмотреть на столицу, за которую они только что сражались. Посыпались вопросы:

— Сестрица, а Москву «он» сильно покалечил?

— А Тверской бульвар цел?

— Конечно, цел.

— Я учился там...

Рядом со мной сидел юноша. Он молча курил, неловко держа самокрутку

41. Кадина И.Г. Раненый в лицо. Б кар.

в левой руке, правая — на перевязи. Он разведчик, с Дальнего Востока прибыл в октябре. Прямо с ходу вступил в бой. «Это те самые сибиряки», — подумала я.

— «Он» из последних сил держится... Вот еще дней пять нам выстоять, и «он», как воск, подастся...

— Почему? — сдерживая нахлынувшую радость, спросила я. Сибиряк помолчал, пыхнул огоньком в темноте:

— У него первая линия разбита. Вся сила, на что он надеялся. А мы вот подтянем танки, ударим... И тогда!..

Его слова не выходят у меня из головы. А что, если правда?.. Сквозь белые окна плывут какие-то тени. Где мы едем? Не пойму. Разворачиваемся на Яузский мост? Сейчас начнется крутой подъем в гору, поворот налево и ворота Комгоспиталя громыхнут железными листами.

....Уже в шестой раз едем одним и тем же путем: Ржевский вокзал — Комгоспиталь. Время к полночи. Каждый раз везем по десять тяжелых. У одного вся голова забинтована сплошь, оставлены лишь трубки для носа, лицо как-то странно обрывается... видно, нижней челюсти нет.Он мычит, показывая что-то рукой. Не могу понять. Даю ему в руку карандаш и свою записную книжку. Пожелтелые пальцы судорожно нащупывают листок и выводят каракули, в которых я с трудом разбираю: «Охота пить». Достаю свою флягу с холодным чаем, наливаю в крышечку и пытаюсь дать живительную влагу в отверстие, где когда-то был рот...(41)

Десять рейсов от Ржевского в Комгоспиталь. Автобус гудит и, кажется, как старая лошадь, сам находит дорогу. Снова ворота госпиталя с бессонным часовым в мохнатой дохе и с блестящим штыком на винтовке, куда он нанизывает пропуска наших машин.

Три часа ночи. Весь город спит. Мы не спим. Едем и едем, как на карусели. Пока едем на вокзал, дремлю, сидя на одеялах, сваленных на полу автобуса. Хочется пить. Не помню, что видела только что во сне и что было перед этим наяву... Стараюсь все записать: в записной книжке между номерами нарядов и рейсами стоят часы и минуты приема, сдачи раненых и их число. Каждый раз звонок диспетчеру: отчет и новый наряд. (42.1-42.9)

42.1 - 42.9. Кадина И.Г.
зарисовки из блокнота.
Б.кар.

17. Кадина И.Г. За ранеными. Б.п.

Новая партия тяжелых. Трое с огромными белыми шинами на всю ногу, один в гипсовом корсете, как средневековый рыцарь.

— Меня танк утюжил... — объясняет он.. — вот жив остался, хотя внутри все поломано. Спасибо, свои ребята откопали... песочек был. А если б глина, то — крышка.

....Ну и денек сегодня! Едва успеваем поворачиваться. Наш огромный голубой автобус дымится. Восемнадцать рейсов с вокзала в Комгоспиталь за одну ночь! Перевезла почти двести носилочных... Что будет к утру? Двигаюсь как лунатик... (17)

Снова вперед. И снова обратно. (20) И так до тех пор, пока бессонный голос диспетчера не скажет в телефонную трубку: «На центр». Значит — на смену. Который же час?.. Десять утра на больших вокзальных часах.

24 ноября

Снег, медленно кружась, садится на мерзлую, твердую как мрамор землю. Ветер сдувает его и сгоняет к обочинам дорог. Медленно шагает патруль с винтовкой на плече. Привалились боком к тротуарам заснеженные троллейбусы. На улицах пустынно.

На запад движутся грузовики с бойцами в теплых полушубках и шапках. Сидят, тесно прижавшись, оглядываются и улыбаются редким прохожим. Вот один что-то громко поет и комично жестикулирует; что поет — не слышно. Машины выкрашены в белый цвет. Это — дальневосточники. По лицам видно... Сибирь пошла!

«Он из последних сил уж держится». — вспомнились мне слова раненого с Дальнего Востока. А когда это было? Не в прошлое дежурство, а в позапрошлое. Значит — 21 ноября. Значит, сегодня четвертый день держимся. Четвертый день, четвертую ночь. Железную ночь...

Откуда вдруг такое слово? Где-то прочитала и запомнила. Но никогда не могла понять, почему она железная? А сейчас мне вдруг отчетливо представились фронтовые ночи под Москвой. Ночи, наполненные тяжелым гулом орудий, железным скрежетом и лязгом танков, металлом рвущихся снарядов. Настоящие железные ночи!

Я даже не удивилась, что так верю словам простого бойца. Он высказал то, что было у всех в душе и на уме, что желалось, что словно носилось в воздухе.

У газетных киосков очереди. «Немца от Ростова отогнали! На 60 километров!» — громко передают друг другу. Те, кто купил газету, читают вслух. Тишину нарушает гул машин, идущих на Дмитровское, Ленинградское, Волоколамское шоссе. Сегодня я отдыхаю, брожу, смотрю.

25 ноября

Езжу на черном ЗИСе с носилками. Шофер Чухланцев чем-то напоминает мне кавалериста времен гражданской войны. Это он дал мне прозвище «сестра-мальчик». Узнав, что я будущий архитектор, старается поддерживать разговор на серьезные темы. Он удивился, что церкви, мимо которых мы то и дело проезжаем, имеют ценность для искусства. (39)

— Оплот же опиума для народа!.. Никогда не приглядывался — церковь как церковь, — говорил он, глядя на изящный силуэт церкви Успения на Покровке. — Конечно, занятно. Главное, все вручную сделано... — он даже притормозил, чтобы я полюбовалась.

На Октябрьском вокзале из медпункта мы приняли тяжелораненого танкиста. Он лежит на носилках неподвижно, забинтованный, как мумия, с головы до ног. Даже не застонал, когда его осторожно подняли и вдвинули по рельсам в легковой ЗИС.

— Откуда он? — спросила у дежурной медсестры, передавшей его карту.

— Из-под Солнечногорска. Очень тяжелый. Обгорел, и плечи все до костей содраны почему-то... Вы его в клинику?

— Да.

— Счастливо, — улыбнулась сестра устало. И это странно было слушать.

Шофер Чухланцев, потрясенный зрелищем, всю дорогу молчал. Я сидела у носилок, не спуская глаз с танкиста. Кусочек бинта над ноздрями чуть трепетал., показывая, что раненый еще жив. Что с ним будет?..

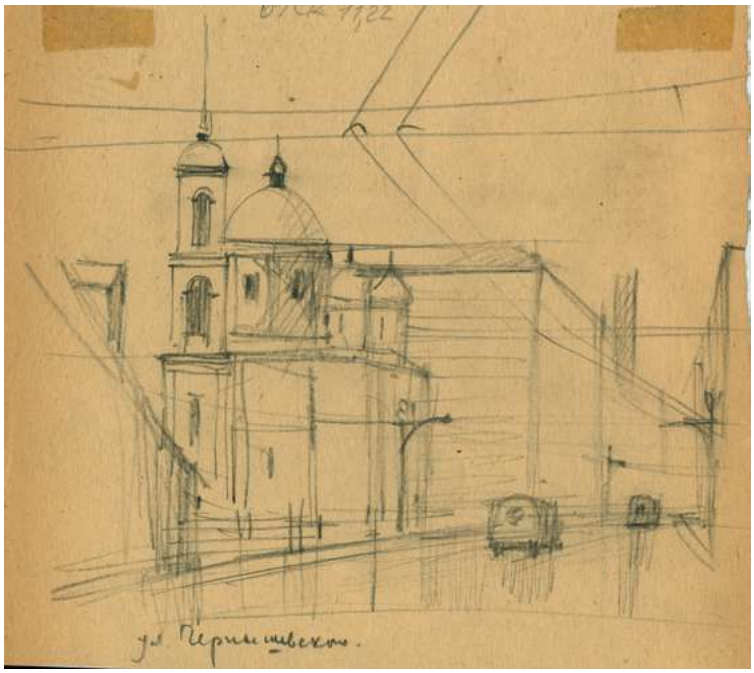
Уже к вечеру, когда на западе из-за туч показалось морозное темно-красное солнце, и розовый свет залил заснеженные крыши домов, я отвезла с Савеловского вокзала в Филатовскую больницу командира с ранением на оба глаза. Лицо забинтовано и руки тоже.

Всю дорогу был без памяти и бормотал страшным голосом, какой
бывает обычно у тех, кому дали морфий:

— Л..лично! Лично снять пулемет! — раненый дышал часто и прерывисто. — Не знаю... Что-то у меня с глазами?.. Выжгло?.. Почему выжгло? Дай дышать-то... Дай! — он судорожно протянул руки к лицу, стараясь сорвать повязку. Схватила его руки, заговорила:

20. Кадина И.Г. Измайловская улица. Б.акв.

39. Кадина И.Г. Улица Черныщевского. Б.кар.

37. Кадина И.Г. Рождественка. Б.акв.

— Спокойно, все хорошо... спокойно... — и снова, как тогда с артиллеристом, звук и слова пробились к нему сквозь завесу бреда. Он что-то услышал, успокоился.

Кто он? Даже лица не видно. И танкист, и этот — они были в каком-то другом мире, видели что-то огромное и грозное, чего я никогда не узнаю.

27 ноября

Наши войска идут на запад. Всю ночь от грохота машин дрожат в квартире стекла. Танки и тяжелые орудия ползут через Москву. В синей тьме плывут их грозные, большие тени. Они идут на запад. Пятая ночь. Что будет? Не спится. Завтра тяжелый день. Теперь мы будем работать не как раньше — сутки через двое суток, а сутки через сутки.

Значит, начинается! Значит, время пришло. Радостно и жутко. Война разворачивает свою страшную «работу»!..

28 ноября

....Выстояв очередь и «отоварившись», я возвращалась домой по нашей Рождественке, мимо непривычно пустынного здания родного Архитектурного института. (37)

Гора, что спускается к Трубной площади, густо посыпана желтым песком. Женщины и дети скалывают спрессованный снег и возят его с проезжей части во дворы на санках и листах фанеры.

Везде говорят о героическом подвиге 28 гвардейцев из дивизии Панфилова. По радио читали передовую «Красной звезды». Бой длился более четырех часов. Среди них, панфиловцев — политрук Диев. Это он сказал: «Ни шагу назад!»... Погибли все, но не пропустили к Москве фашистские танки.
Небывалая сила духа против лавины железа и огня! Вот они, истинно стальные люди!

Случай свел меня сегодня на Лиственной аллее с медсестрой из дивизии Панфилова — сероглазой, тоненькой девушкой в белом полушубке. Она прохаживалась возле фронтовой машины, чуть подпрыгивая в мягких валеночках. В машину грузили ящики и тюки. Поглядев несколько раз в мою сторону, она решительно подошла, мило улыбнувшись:

— Вы в Москву поедете? Не опустите мое письмецо?.. Мы заскочили только на часок из медсанчасти и опять — туда. Думала, здесь Москва, а до нее вон еще двенадцать километров полем...

— Вы с передовой? Как там?

— Горячо... Про панфиловцев слыхали? Я из той самой роты.

— Вы их знали? — спросила я. Девушка опустила голову и долго молчала.

— Как не знать? — отозвалась она. — Я их как сейчас вижу... Разговорились.

— Самого Панфилова я не видала, где ж там... Но все его очень любили. А политрука того я знала хорошо... — И она опять грустно замолчала.

Небо остывало. Все стало синим и лиловым. Наши лица тоже.

— Счастливо! — девушка шагнула к своей машине. — Может, когда увидимся.

— Как вас зовут?

— Чистякова Валя.

Она посмотрела в сторону заката и кивнула мне головой. Невольное волнение охватило меня — Валя снова отправлялась туда...

19 Кадина И.Г. Зенитчики. Б.акв.

1 декабря

Главный удар немцев в эти дни приходился между Крюковым и Лобней. Говорят, что Крюково переходит из рук в руки. И днем и ночью, если прислушаться, то слышен глухой набат артиллерийской канонады на подступах к Москве. (19)

....В газете «Правда» сообщается, что заводы, эвакуированные на восток, вступают в строй. Многие из них в Сибири уже начали давать фронту танки, самолеты, пушки и снаряды.

Сестренка Светка недавно вернулась с оборонительных работ и снова едет на трудфронт теперь под Каширу. Там идут тяжелые бои. В прифронтовой полосе батальоны комсомольцев будут делать в лесах завалы из деревьев против танков...

3 декабря

Я снова на вахте. Едем в Химки. Мороз крепчает. Говорили, сорок градусов. Теперь, наверное, больше сорока. Трудно дышать. Шарфом закрылась до самых глаз, а сверху опустила меховой козырек ушанки.

Отцовская шинель на черном бараньем меху, сохраненная мамой со времен гражданской войны как реликвия, теперь спасает меня. (3)

Фронт рядом. Оттуда, как грохот шторма с неведомого океана, несмолкаемо несется гул орудий. Солнце багровое, в тумане. Воздух словно оледенел. Все неподвижно — земля, небо, столбы дыма, ледяные деревья. Только шоссе живет. Все оно в движении. Тянутся, скрипя
полозьями, бесконечные обозы, идут батальоны солдат в теплых шапках и валенках, движется артиллерия, цокает по замерзшему асфальту кавалерия. (11, 12, 13)

3. Кадина И.Г. Автопортрет. 1941г.Б.акв.

13. Кадина И.Г. « Сибирские войска идут в Химки!»

… Какое нескончаемое разнообразие лиц, характеров, национальностей и возрастов! Рослые, степенные сибиряки и подвижные невысокие казахи, легкие, молодцеватые грузины, веселые украинцы, непроницаемые, желтолицые буряты. Идут бородачи с сосульками на усах и безусые ребята. Всех их объединяет наша армейская серая шинель, меховая шапка, автомат, повешенный на шею, и четкий строй, в котором они шагают, мягко покачиваясь, как одно живое существо... И нет уже бородача и юноши, нет сибиряка и украинца. Есть одна монолитная масса бойцов советской Красной Армии. Одна воля, одно большое сердце нашего народа... — так думала я, высунувшись из окна машины, рискуя обморозить лицо, но не в силах оторвать глаз от этого волнующего, эпического зрелища.

Мы обгоняли батальон за батальоном. К нам поворачивались румяные лица, дышащие здоровьем и морозом, улыбались, шутили.

— Что значит молодость! — с завистью сказал шофер Щепочкин. — И, немного помолчав, добавил. — Сибирь пошла. Богатыри!

В Никольской больнице нас ждали. С передовой привезли раненую
медсестру, ее надо срочно оперировать.

— Куда у вас путевка? — спросил дежурный врач тихо. — Ей нужна клиника.

Шофер открыл заднюю дверь ЗИСа, через нее вдвинули носилки. Из мехового конверта выглядывало красное, покрытое капельками пота лицо молоденькой девушки. Она тяжело дышала, хмурила брови и не могла поднять плотно сомкнутые светлые ресницы.

Я села рядом с носилками. Шофер участливо заглянул к нам, и шепотом сказал, что ехать быстро опасно — лед. Довезем ли? Я испуганно остановила его, кивнув на раненую.

Снова Ленинградское шоссе. Снова колонны войск, но уже нам навстречу. Войска идут не только по шоссе! Они подходят к нему с боковых дорог и тропок, словно вырастая из-под земли, из снежных оврагов, дальних рощ; как ручьи, они стекают с холмов, сливаясь в одну широкую реку. Рядом с

11. Кадина И.Г. «Сибиряки пошли!». Б.п.

12. Кадина И.Г. В наступление! Б акв.

6. Кадина И.Г. Перед наступлением. Б.акв.

пехотой двигаются орудия на гусеничном ходу, кроша в осколки ледяной накат шоссе. По обочинам вьются снежные дороги, по ним колышутся санные обозы, а чуть дальше от них, обгоняя колонну по плотному насту, пролетели санки с командиром, что-то кричавшим войскам на ходу.(6)

Стороной, как белые тени, бесшумно скользят цепочки лыжников в белых халатах с капюшонами.

На пересечении дорог столпились самоходные длинноствольные пушки. Они загородили проезжую часть. Около них суетятся люди в белых полушубках. Мы остановились.

— Иди, проси пропустить, а то конца их не видно, — сказал мне шофер.

Вылезаю на мороз и бегу к высокому командиру в белом полушубке и белой шапке. Голова его где-то очень высоко, как на башне. Он глянул сверху и, поняв, в чем дело, положил мне на плечо руку в толстой рукавице, как бы беря под свою защиту. Другой рукой он принялся махать, делая знаки водителю орудия подать пушку к обочине. Треск и гром стояли неимоверные, и мы почти не слышали друг друга. Страшное дуло медленно-медленно отвернуло в сторону, оставляя для нашей машины узкий проезд в середине шоссе.
-Проскочим? — скорее догадалась, чем расслышала я. Командир улыбнулся, не ожидая моего ответа, мягко хлопнул меня по спине и скрылся за орудиями...

От шума или от толчков раненая пришла в себя. Она спросила, куда ее везут, сказала, что ее зовут Лизой, что ранило ее прямо в медпункте, где она перевязывала бойцов. Вскоре она вновь впала в забытье. Начался бред:
-Леша, Лешенька... Ребята! Что вы делаете! Разве я вас так перевязывала?.. Кто мне стиснул голову? Кто сел... Да заткните же рану!.. — Она со стоном хватала мои руки, царапала жесткую материю мешка, металась в жару. — «Кто скачет, кто мчится под хладною мглой... Под хладною мглой»... Пустите!
— Щепочкин. скорее', — крикнула я, не в силах выдержать своего беспомощного положения. Шофер уже давно как-то съежился за рулем и напряженно вел машину, а теперь в ответ молча кивнул, решившись во что бы то ни стало обогнать шедший впереди транспорт. На сей раз это удалось. Проскочив узкий проход между рядами надолбов и ежей, мы вырвались на свободу у Волоколамской развилки и помчались по широкому проспекту.

Бред усиливается. Она то и дело силится подняться, выкрикивает что-то жарко и невнятно. Я едва удерживаю ее на носилках. Только 6 довезти!.. «Кто скачет, кто мчится…» — крутится у меня в голове.
— Какая страсть-то! — упавшим голосом прохрипел шофер после того, как Лизу унесли в операционную. — У меня до сих пор руки, словно не свои…

5 декабря

Утром на западе в холодном сиреневом небе еще стояла запоздалая луна, и снег громко свистел под ногами, когда я шла к небольшому гаражу на улице Чехова, где прямо во дворе стояли наши легковые ЗИСы. Я рассчитывала с кем-нибудь из знакомых шоферов доехать до
далекой Благуши. Между машинами, переругиваясь, суетились фигуры шоферов. Вот уже час они разогревают машины, ползают по снегу с паяльными лампами, заливают кипятком, крутят ручки...
— Что, сестричка, холодно, а?.. Молчать! Не ругаться!.. Тут девушка. Да, надо сознаться, что никогда — ни шоферы, ни раненые, ни санитары — не сказали при мне ни одного бранного слова.

Пока черные ЗИСы с серебряными оленями на радиаторах мчались вереницей через весь город на Благушу, я мысленно вспоминала ту громаду войск, что видела позавчера. Куда все это устремлялось? Сейчас бои под Ржевом, Калининым... Но этот поток не для обороны. В нем какая-то тайна. И я ее увидела. Кажется, это начало.

В последние дни наши ряды пополнились. Это заметно здесь, на Благуше — нашем третьем филиале — а на «центре» стало совсем как на вокзале. Целая армия сестер теснится в комнатах и коридорах — одни приезжают, другие уезжают. Большие и малые автобусы заполнили не только двор, но и весь длинный Коптельский переулок по обе стороны — не пройдешь.

Кроме автобусов на перевозку раненых брошены троллейбусы и даже трамваи. Грузят прямо с поездов. Жильцы соседних домов дежурят, помогают

перетаскивать носилки, на ходу успевают напоить раненых, сунуть им какой-нибудь гостинец... И в этой мобилизации транспорта на перевозку раненых, потоками наводнивших госпитали, больницы, клиники, школьные здания, институты Москвы, — напряженность фронта. Там, под Крюковом, идут жестокие, кровопролитные бои, неумолчно гудит огненный вал нашей обороны. Там стоят насмерть...

....Пока ждала вызова, познакомилась с новым «медбратом». Он поразил меня своим рафинированно интеллигентным видом: утонченные черты лица, умный, чуть иронический взгляд, изящные руки. В 1936 году он окончил наш Архитектурный институт и вот уже несколько лет работает у академика архитектуры Жолтовского. Мне показалось странным, удивительным, что я в этой прифронтовой горячке, среди машин, задубелых от крови носилок, бессонных ночей и бесконечной смены картин людских страданий и смертей встретила вдруг архитектора, да еще ученика Жолтовского, да еще «медбрата»! Было такое впечатление, будто я где-то на чужбине нежданно-негаданно повстречалась с земляком. (43)

43. На дежурстве в «Лиственной аллее». Б.кар.

Мы разговорились.

— Помню, я очень хотел работать именно у Жолтовского, — начал не спеша свой рассказ мой новый знакомый. — Поздно ночью я пришел к нему домой, зная, что он всегда работает по ночам. Открыл мне он сам. Очень удивился. Я сказал, что хочу работать у него, все равно в качестве кого — чертежника, копировщика, проектировщика...

— А когда вы кончили? — спросил Иван Владиславович.

— В этом году.

— Да, но вы ничего не знаете, —озадаченно проговорил он в ответ. Однако дал мне работу на пробу и после просмотра оставил у себя в мастерской. — С тех пор я с ним, — закончил он и мечтательно посмотрел на стеклянную перегородку, отделявшую нас от диспетчера. Потом продолжил. — Какой он удивительный человек! Если вы действительно желаете учиться, постигать, он вложит в вас всю душу, не пожалеет никакого времени. Целые ночи он рассказывал мне об архитектуре. Да как! Вот он, например, может часами говорить о том, как работал Рафаэль... Это настоящая сокровищница знаний! Он постоянно возбуждает желание узнавать, постигать, идти дальше... Про себя мне хотелось всегда называть его «великим»...

Я слушала, как слушают вести с далекой родины. Рафаэль! Институт, студенты, мир прекрасного, наши аудитории, вечера... Как это далеко теперь. Неужели все это было?..

Смотрю на его профиль, кажется, очень болезненного человека, на его длинное пальто с повязкой Красного Креста на рукаве и мысленно вижу фигуру Жолтовского, шествующую по коридору в наши аудитории во главе целой свиты преподавателей. Вижу светлую голову старца с необычайно живыми глазами и какой-то вольтеровской усмешкой.

Нас позвал диспетчер. Мираж рассеялся... Надо снова по своим местам. Длинная фигура в черном пальто медленно направилась к машине. Он помахал мне рукой и, согнувшись, влез в черный ЗИС.

— Как его фамилия? — тихо спросила я у диспетчера.

— Олтаржевский Дмитрий. А что?

— Он тоже архитектор, — ответила я, стараясь запомнить эту фамилию.

И вот новое задание: нужно перевезти с Киевского вокзала в Ком-госпиталь сердечного больного.

Вздымая легкие вихри снега, мчимся по Садовому кольцу. Но мысль упорно возвращается к ночному разговору и сквозь морозное стекло машины мелькают радужные видения... Вспоминается весна. Мы кончаем задание по композиции. Тепло и солнечно. Воздух звенит в открытых окнах. Мы выносим свои подрамники на плоскую крышу нашего института. Кажется, что отсюда видна чуть не вся Москва. Солнце нещадно высвечивает наши работы, но мы не уходим. Весна! Где-то звучит веселая песня. Только и разговору, что вчера приходил сам «папа» Жолтовский, что он будет вести шестую группу нашего курса...

Сердечный больной тяжело дышал. Лицо бледное, а глаза темно-серые, спокойные. На шапке у него знакомая лента: гвардеец!

— Когда нас под Истрой потеснили маленько, то все тут марш — «Кругом, бегом!»... А у меня — сердце... не могу. Упал. А немцы — вот! Пропал, думаю, и глупо как! — С трудом улыбнулся: — А тут лесочек был. Так я снегу за шинель на грудь набил — холод облегчает — дополз до лесочка, а там уж свои взяли. Ни патроны, ни винтовку не потерял. Все с собой.

— Так как же вы с таким сердцем в армию попали?

— Три комиссии прошел — молчал… — тихо признался он и улыбнулся. — Такое время... Надо!.. Разве усидишь?

А ведь ему за сорок. Я от души пожелала счастья этому гвардейцу с добрыми темно-серыми глазами.

10 декабря

Еще удар по врагу! Вчера, 9 декабря, наши войска во главе с генералом армии Мерецковым в ночном бою наголову разбили группировку генерала Шмидта и заняли город Тихвин!

...Жарко. В комнате отдыха для дежурных и шоферов сегодня весело. Диспетчер вяжет свои бесконечные кружева, скрепленные в моток английской булавкой, и рассказывает всякие истории. Шутки и смех то и дело прерывают ее:

— Немец идет по дороге, весь замерз, автомат болтается где-то на пузе, на голове платок, на плечах одеяло... «Рус! Плен!» — кричит. Руки вверх подняты, лицо жалкое... Ну, шофер наш посадил его, обезоружил, конечно, а пока сажал, к нему в кузов их еще штук пятнадцать поналезло! Он всех их враз отвез, куда положено, и в плен...

— В писании сказано: поднявший меч от меча и погибнет, — невозмутимо изрекла старая няня, протирая пол мокрой тряпкой.

— Знаем!.. Александр Невский то же самое говорил в кино.

12 декабря

14. Кадина И.Г. «В последний час» Б.п., акв.

....Бежит под колеса впереди снежная дорога. Перед глазами так и стоят двое раненых красноармейцев из-под Крюкова. Оба — в грудь. Один — сибиряк, с обветренным лицом, лохматыми бровями и бирюзовыми глазами. Губы у него потрескались, часто просит «испить». Мой спасательный крепкий чай кстати. Другой — казах Акашев — смуглый,с чуть побелевшими скулами, говорит со свистом, но улыбается.

Я рада, что они попали в хорошую клинику. Жаль, что не спросила, как звать сибиряка... Судя по всему, он политрук или командир. Хочется верить, что они оба вернутся в строй!

...Вечером дома, после чая, впервые за многие месяцы легла спать, раздевшись, растянулась с наслаждением на чистой мягкой постели.

— «В последний час!» — раздался по радио голос Левитана. Мы замерли. — Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы! Поражение немецких войск на подступах к Москве!! — Торжественно-радостный голос рассекал ночную тишину. — После перехода в наступление с 6-го декабря частями наших войск занято и освобождено от немцев свыше 400 населенных пунктов!.. Теперь уже несомненно, что этот хвастливый план окружения и взятия Москвы провалился с треском...(14)

Полные счастливых, светлых мыслей мы с мамой уже стали засыпать, когда тишину снова зловеще прорезали слова: «Воздушная тревога!»…

— Фу, черт!..

Зенитки бьют все ближе. После одного из сильных разрывов, когда зазвенели все стекла и посуда в шкафу, я вскочила. Одеваться, что ли?.. Но, не слыша больше стрельбы, снова улеглась в постель.

— Где-то наша Светлана? — прошептала мама. — Неужто, все валит каширские леса? А немцы, что же — дожидаются?..

И радость победы затуманилась: война еще идет. Вот и тревога сегодня напомнила о том же...

14 декабря

11 декабря войска Западного фронта освободили Истру! Разнесся слух, что немцы подорвали дамбу Истринского водохранилища. Ледяные волны хлынули на снежную равнину... Сибирские войска, эти чудо-богатыри, которых я, наверно, видела на марше, отважно кинулись в поток, кто на бревнах, кто на деревьях, кто и прямо вплавь...

Так говорят в народе об этом «ледяном штурме: «Противник в панике бежал, бросая оружие и технику...»

— Да, Сибирь пошла! — повторила я слова шофера Щепочкина. Жаль только, что немцы, отступая, сожгли город и взорвали знаменитый Воскресенский собор...

15 декабря

Шоссе, сверкая солнцем, летит навстречу и исчезает под черным радиатором машины. Сзади, в розовом тумане морозного утра, тает силуэт госпиталя Лиственной аллеи. Быстрая езда веселит душу. Утро началось хорошо. Пятеро легкораненых уютно покачиваются на мягких сидениях. Не курят.

— Вы откуда? — слегка поворачивая голову, спросила я сидящих.

— С Клина...

— Наш он?

— Окружили его... — отозвался сиплый голос.

— Хоть бы их, гадов фашистских, там всех передавить, — не выдержал шофер.

— Так и собираются... Отрезать думают... Это я слышал сам, как командиры говорили, — охотно подхватил другой, звонкий голос. — Чтобы не убег, значит.

— Ну, а воевать-то как там? — шофер Рябов повернулся к ним.

— Воевать бы ничего, да вот ведь разоряют все, грабят подчистую, портят наших женщин...

— Да-а! — крутанул головой Рябов. — Ведь что делают, сволочи!

— Зверье проклятое! — с жаром воскликнул до того молчавший молодой боец. — Ведь что с народом делают! Сердце не выдерживает!..

Я невольно оглянулась и встретила добрые, светлые глаза. Мы затихли. У каждого в душе кипела злоба, не находя слов.

— А ведь русский, скажем... — начал опять шофер и запнулся, словно прочел мои мысли, а может у него в горле перехватило от волнения, как и у меня, не знаю. — Ведь русский, скажем, никогда такого не сделает...

— Русский?.. Наш, советский? Нет!! — подхватил все тот же боец. Наш такого не допустит — сердце не позволит, воспитание...

Все одобрительно молчали. В молчании было единодушие. И теплота. Туман наконец развеялся., и яркое солнце засияло в холодной синеве. Радость была во всем, что видел глаз, — все сверкало свежестью и силой.

17 декабря

....Совсем в темноте въехали в ворота Боткинской больницы. С трудом отыскали в заснеженных дорожках парка седьмой корпус. Раненые, которых мы везли, были в черной морской форме. Молодой командир с повязкой на глазу пытался шутить, но, видно, нервничал. У него кружилась голова, и его поддерживали товарищи.

— Откуда у нас здесь моряки? — думала я, пока мы выбирались на шоссе. Вспомнились матросы на улице Горького 17 октября. Не они ли?..

— Вы с Балтики, наверное?

— Нет, сестричка, с Тихого океана... Что, не ожидали? Далековато, да?

— Где же вас ранило?

— Под Белым Растом... Есть такое красивое название у вас под Москвой. Икша, Трудовая... Знаете? Вот там есть высотка. Кругом — лес до небес. А мы на лыжах. Освоили, это не шлюпка, но и по снегу можно вплавь...

Три дня мы брали этот Белый Раст. Только ночью окончательно вышибли немца оттуда. Крепко он там заклинился...

18 декабря

Слышно, что наш институт вернется из Ташкента...
....К вечеру из-под Каширы возвратилась Света. Мама так и повисла у нее на шее, не веря своим глазам.
— А суп у вас есть? — неожиданно спросила сестра. — Я так давно мечтала о горячем супе и картошке… А это вам от «зайчика» из леса, - _она протянула маме мешочек с черными сухарями и еще вынула большой кусок мыла. — Всем нам выдали как премию, чтобы помылись хорошо в Москве на радостях...
— Светинька, милая! — мама смотрела на дочь растерянно. — Я тебя быстро откормлю, главное, цела вернулась.
Тут мы заметили, что платье на Свете висит, как на вешалке...

31 декабря

Увы! Езжу сегодня сутки. Часть медсестер отпустят домой в восемь вечера, а меня и еще несколько человек оставили на ночь.
По дороге мечтаю. Это единственное мое утешение. Вспоминаю.
... Новогодний бал в институте. Незабываемый Венецианский карнавал! Вестибюль, коридоры и зал превращены в площадь Сан Марко, Пьяцетту, канал Гранде, пристани гондол, театры масок... В каждой комнате что-то происходит необычное. Эта традиция возникла, говорят, в 1936 году при праздновании Дня Конституции...
...Встретила на Центре Атю. Она приготовилась встречать Новый год в автобусе с ранеными. У нее с собой в кармане бутылка вина и кусок колбасы! Даже стаканчики прихватила.
— Бывай счастливою, Иренок! — взволнованно пожала она мне руки.
... Скоро двенадцать. Наряда для меня не было. Диспетчер тихо мне улыбнулась;
— Если сейчас не будет звонка, я вас отпущу.
Новогодняя ночь! Небо ясное, сверкает снег и вспыхивает иней на деревьях. Таинственно мигают звезды. Иду и смеюсь. На углу Колхозной площади шагает патруль — улыбаюсь и ему... Белая лунная дорога, черные силуэты домов... Какая ночь! Какая ночь!..

28 января

Вся Московская область чиста и свободна от фашистской мрази. 20 января освободили Можайск! Но каждый шаг наших войск открывает страшные зрелища на освобожденной земле: разрушения, сожженные деревни, замученные патриоты, надругательства над нашими святынями. Дом Чайковского в Клину, музей в Ясной Поляне вопиют к отмщению.
Из головы не выходит фотография, увиденная в газете: голова девушки, запрокинутая назад, на белой шее грубая веревка... Ее звали Таней. Кто она?

11 февраля

... С каждым днем работы становится все меньше: два-три вызова в день — это еще много. Фронт откатился от Москвы. Все чаще подумываю

об институте: пора бы учиться. Там уже начали...

Говорят, нас посадят на санитарные машины в качестве инфекционного персонала. Нам выдали белые халаты, которые мы с трудом натянули поверх шуб. Разговор крутится вокруг угрозы сыпняка, болезней...

Глухая полночь. День — без дела, ночью — ездим. Спать хочется. Раньше я легко могла провести несколько ночей без сна, а теперь не то ослабла, что ли?.. Порой назойливо лезет в голову картина теплой комнаты, мягкий свет лампы у постели, прохладные простыни и сны, переносящие в страну несбыточного, мирного...

— Получите наряд в Институт переливания крови, — скомандовал мне голос диспетчера. — Повезете кровь в Быково, на аэродром. Наряд № 758. Ясно? Позвоните, когда вернетесь. Значит, не спать до утра.

В кабине инфекционной машины, или, как ее у нас называют, «касторки», сидит шофер — молоденькая девушка с веснушчатым лицом и мохнатыми ресницами. Зовут ее Катей, она ведет машину ловко, ровно.

В Институте переливания крови нам вручили большие утепленные коробки с драгоценными ампулами крови. Дежурный врач долго толковал, что очень важно ехать быстро, чтобы успеть к утреннему самолету, что при этом надо следить за градусниками, торчащими из коробок, чтобы донорская кровь не замерзла, ее надо укутывать и ехать
осторожно, чтобы не побить пробирки...

Мы, молча, с возрастающим вниманием, выслушали все это и под настороженными взглядами врачей и сестер, вышедших гурьбой на улицу проводить ценный груз, тронулись. Было четыре часа ночи.

Задание необычно: теперь у нас никто не стонал от тряской дороги. Никто не просил огоньку прикурить, не спрашивал, куда едем и как дела в Москве... Мы могли спокойно мчаться по пустынным улицам. И все же нас не покидало чувство, что в темном кузове за нашими спинами ехал кто-то живой, что он мог замерзнуть, его хрупкое тельце могло легко
разбиться, и тогда теплая, спасительная кровь погибнет... И мы останавливались, зажигали спички, смотрели градусники, подтыкали одеялами коробки.

Пошел снег. Сначала хлопьями, потом зарябило так сильно, что все вокруг слилось в сплошную мглу. Мы проехали Крымский мост. На мгновение справа и слева раскрылись темные просторы реки. На нас налетел порыв леденящего ветра.

Метель всегда привлекала меня своей таинственностью. Стоит мне подумать о метели, мне тотчас же видится образ Пушкина, слышатся его загадочные, полные чарующей прелести слова: «Мчатся тучи, вьются тучи, невидимкою луна...»

Гул мотора создавал подобие нужного звукового фона. Я стала тихонько напевать. Понравится ли Кате, подумала я и смолкла.

— Пой дальше! — живо обернулась она ко мне.

— «Вьюга мне слипает очи, все дороги занесло...»

— Совсем как у нас, правда? — улыбнулась Катя. — Хорошо! Город остался далеко позади. Шоссе уходило в снежные дали.

Слабый свет подфарников выхватывал крохотный пятачок перед самым радиатором. Небо слилось с землей. Ветер то жалобно выл тонким голоском, то рокотал, споря с мотором. Волны снега обрушивались на нас. Стекла кабины дребезжали как в ознобе.

Мы проехали около получаса в этом мире однообразия. Катя начала дремать. И уже несколько раз клюнула носом. Каждый раз при этом машина делала опасный зигзаг в левую сторону шоссе.

26. Кадина И.Г. Ночной рейс в метель. Б.т.

— Ой, Ирочка, пой что-нибудь, — просила она, а то я засну...
«Пой Лакмэ, пой!» — вспомнилось мне, и я запела арию Лакмэ. «Куда спешит младая...»
— Вот именно! — подумала я. — Забавно.

На меня нашло. Мне вспомнилось детство и то, как с четырех лет тетя Люся водила меня на галерку в оперу... У меня не было голоса и, верно, поэтому мне всегда хотелось петь.
— Пой, Ириша, пой! А то засну...

Теперь я пела все, что вспоминалось, все, что любила... Катя внимательно слушала, не спуская глаз с дороги. Сон прошел совсем. — Ах, как замечательно, — думалось мне, — какая дивная поездка! Оглянувшись, мы заметили, что кругом словно посветлело. Ветер свистел как-то устало и однообразно, словно ослабел. Наступили предрассветные сумерки. Все было без теней. Нельзя понять, далеко дерево или близко, идет равнина вниз или вверх. Метель перешла в ровный косой снегопад. Лицо Кати казалось серым, вокруг глаз легли тени, веснушки потемнели. Маленькие руки в порванных перчатках были по-детски трогательны. Совсем девочка!..

Мы свернули с шоссе на проселочную дорогу. Она была сильно заметена. Сначала — ничего, но метров через сто началось... Машина поминутно врезалась в снежные сугробы, пересекавшие дорогу барханами, буксовала, вертелась из стороны в сторону и, наконец, основательно засела в небольшом овражке. Я выпрыгнула из кабины и сразу
провалилась по пояс.

Снег, точно белое море, волнами надвигался на нас. Разгребая снег руками, «вплавь» добралась до заднего колеса и ухватилась за бампер. Началась утомительная раскачка машины: она - то давала передний ход, обдавая меня струями снега из-под колес, то грузно скатывалась назад, оседая в снег все глубже и глубже...

Сколько времени прошло? Не помню. Толкаю плечом и руками кузов машины. Выбираюсь с нею вверх по взрыхленному снегу, держусь там с мгновение и снова скатываюсь вниз. Взмокла. Лицо горит. Глаза слепит горячий пот... Промокшие варежки не греют, в валенках полно снега... Продвинемся немного и снова- то же самое. (26)

4. Кадина И.Г. Автопортрет в матросском бушлате. Б.акв. 1942г.

Дороге словно нет конца! Так и едем: Катя в кабине, я — пешком, толкая сзади машину. Что будет с нами? Доберемся ли до аэродрома? Что будет с кровью?!

С упорством отчаянья я продолжала свой, казалось, бессмысленный труд: путаясь в полах отцовской шинели и падая в снег, снова и снова толкала машину вверх... Но вот, чтобы лишний раз доказать, что чудо все-таки бывает, машина вдруг нащупала твердую дорогу, и мы въехали в рощу.

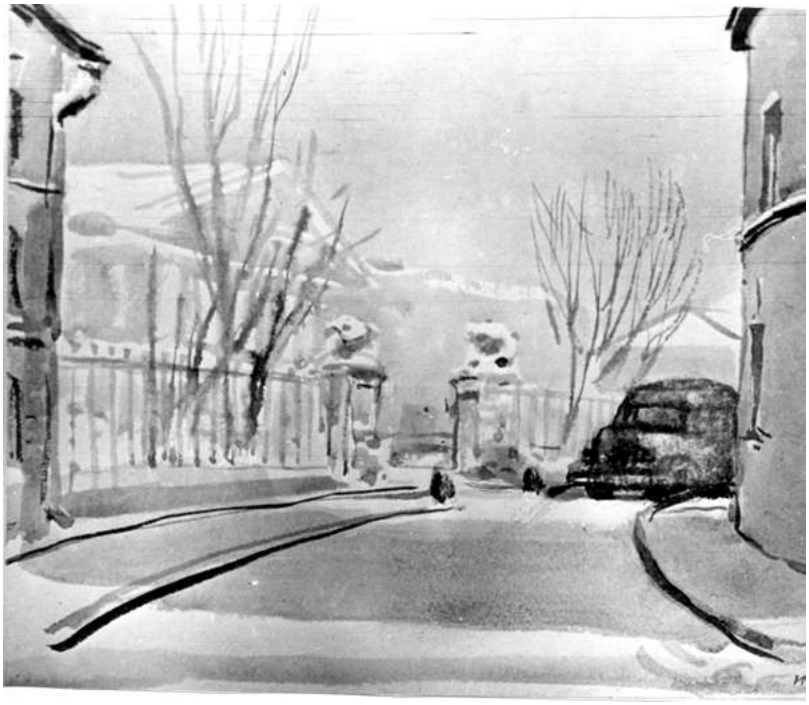
Я повалилась в кабину. Наша «касторка» легко покатилась под заснеженными ветвями елей. Как во сне, я разглядела сквозь стволы деревьев какие-то строения и светлое поле. Радость: до самого горизонта стоят самолеты, словно белые птицы, готовые к полету!

— Добрались? — приветливо спросил дежурный, отрываясь от бумаг. — Сгружайте! Скоро уж начнем готовиться к полету. — И, заметя мой недоуменный взгляд, пояснил. — Погода-то нелетная.

Обратно мы ехали по своим следам. Было светло. За толстым слоем облаков угадывалось солнце. Снег стал серебриться на выгнутых дугой сугробах.

Теперь стихи читала Катя: «И ель сквозь иней зеленеет... И речка подо льдом блестит!» — докончили мы с ней в унисон, ужасно довольные своим «дуэтом».

Машина вышла на шоссе и помчалась к Москве. На севере ярко заголубела полынья чистого неба. Значит, скоро поднимутся с земли заснеженные птицы и увезут наш драгоценный груз.

23. Маленький госпиталь в переулке Москвы.

12 марта

....Сегодня езжу в последний раз. Дождалась приказа. Рада ли я? Сказать не просто. Когда мне стало известно, что я покидаю свой нелегкий пост и снова становлюсь студенткой, стало очень грустно.(4)

Даже тяжело, как будто я чем-то провинилась перед всеми... Хорошо, что как
нарочно, нынче мне давали много нарядов, и я смогла на прощание побывать во всех «своих» уголках Москвы. Киевский вокзал — Лиственная аллея, Комгоспиталь — Сортировочная, Савеловский вокзал — Пятая Советская... Это наши основные магистрали в дни московской обороны. А сколько было малых проселочных дорог! Клиники, больницы, маленькие госпитали, размещенные в школьных зданиях где-нибудь в лабиринтах узких переулков... (23)

Их нельзя забыть. Как нельзя забыть задубевших от крови шинелей, запах ран, махорки, едкого бензина, скрипа пружин, держащих тяжелые носилки. Их нельзя забыть, как нельзя забыть вой ночных сирен, лай зенитных батарей, бесконечные ряды стальных надолбов, прострочивших пунктирными нитями снежные подмосковные поля, пустынные ночные улицы, патруль и всюду — синий свет. Их нельзя забыть, как нельзя забыть первое радостное сообщение Совинформбюро «В последний час» о разгроме немцев под Москвой.

29 марта

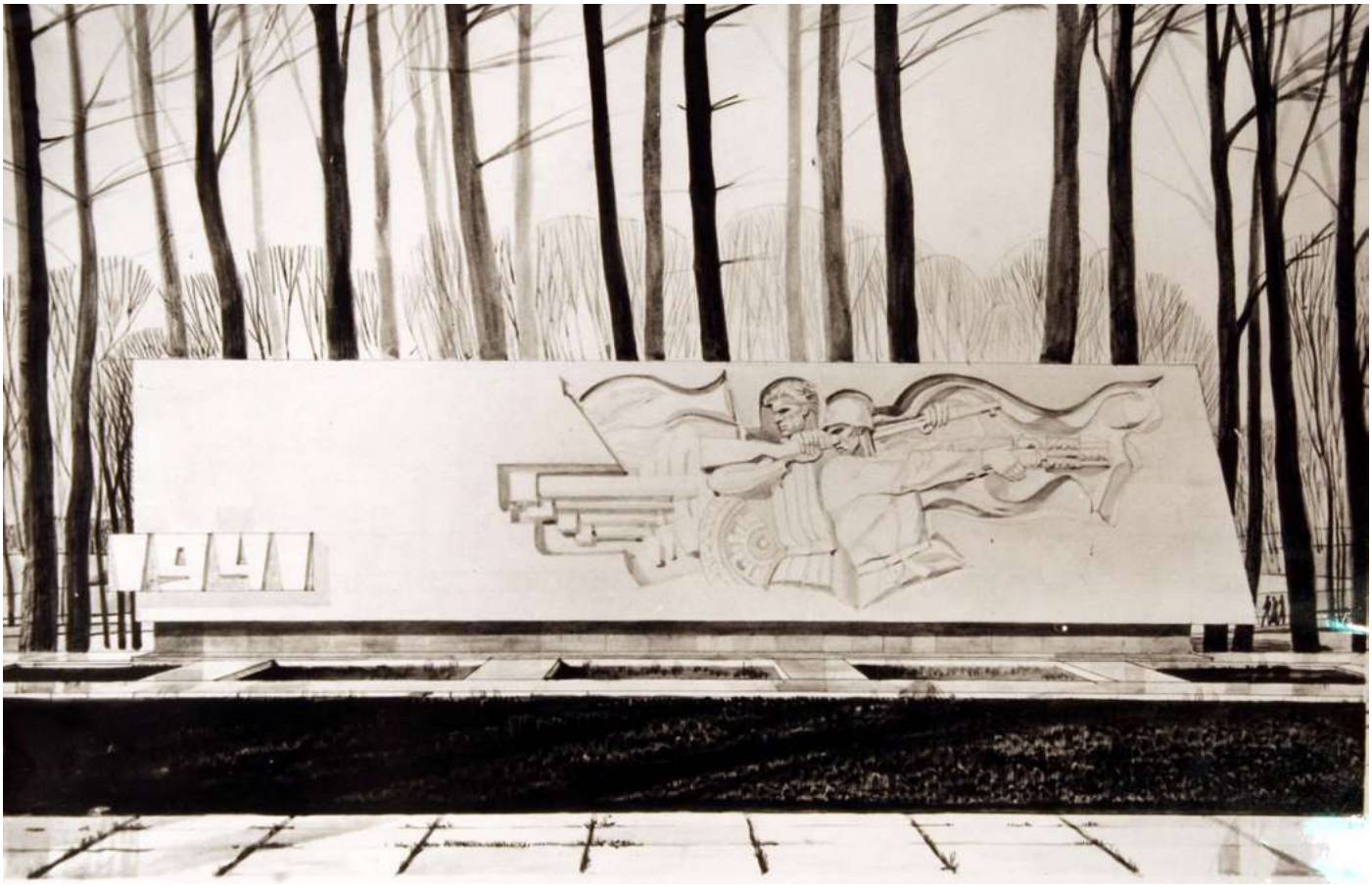
Завтра у нас подача проекта. Скоро двенадцать часов ночи. Пишу. Света спит. Мама возится на кухне. На столе под лампой ее ждут растрепанная огромная книга и очки. Две недели подряд она шила для пострадавших беженцев одежду.

В комнате торчит ржавое колено трубы от нашей «буржуйки». Часто по вечерам из-за экономии выключают свет. Мама изобрела какие-то светлячки, которые плавают в тарелке с льняным маслом. Утром в ведрах с водой — тонкий ледок.

9 апреля

Столько дел в институте, что не хватает времени и сил писать дневник.

Холод, просто мороз в наших нетопленных аудиториях. А мы - рисуем! Рисуем в перчатках, не снимая пальто и шапок. Ноги прячем под себя, чтобы не мерзли от цементного пола мастерской, и сидим «как турки», приводя в отчаянье профессора Михаила Ивановича Курилко: где же тут достичь живописной линии рисунка!..

44. Кадина И.Г. Проект мемориала. Перспектива. 1970г.

14 апреля

Дома сидела над проектом «Сельский клуб». Незаметно пролетело время, в институт успела только к часу дня. Рысцой бежала по Цветному бульвару, держа под мышкой доску с эскизом. Крупный снег лепил в лицо. Когда же, наконец, весна? Когда же весна-то?..

Так началась учеба. Мы снова в институте. Снова на нас смотрят невидящими глазами античные боги и герои, снова мы слышим мирные слова о строительстве, о проектах, об удобствах жизни, о красоте и творчестве, о великих задачах восстановления после разрушений войны.

Но бои продолжаются.

И наши друзья идут тяжелыми дорогами войны...»

Уже тогда у будущего архитектора Ираиды Кадиной возникла мысль увековечить память героических защитников столицы. Идея эта смогла осуществиться много позже, в год 30-летия Великой Победы, хотя тема увековечивания памяти павших неоднократно возникала и до этого, то в конкурсах, то в темах курсовых студенческих работ.

Архитектор И.Г.Кадина сделала проект надгробия братской могилы для захоронений в Ховринском парке столицы.(44) куда в дни обороны Москвы ей доводилось неоднократно привозить раненых воинов, разработав единую объемно-пространственную композицию торжественной площадки с подходами с разных сторон вокруг стелы с монументальным барельефом «Бой» (45).

45. Кадина И.Г. Проект мемориала. Барельеф «Бой». 1970г.

46. Кадина И.Г. Проект мемориала. Фрагмент барельефа. 1970г.

Скульпторы кафедры Монументально-декоративной скульптуры МВХПУ Г.Д. Жилкин и А.Н. Бурганов, создали монументальный барельеф для этого надгробия.(46, 47, 48)

В камне запечатлен момент героической обороны и образы бойцов, шагнувших в бессмертие. Стела, выложенная из крупных белых блоков известняка, символизирует собой мощную стену советского народа, ставшего на пути фашистских полчищ. Основание стелы облицовано черным полированным гранитом — лабрадором.

Надписи на стеле дополняют содержание. На главном фасаде — «Советским воинам-защитникам Москвы» и «1941», на Западном — «Здесь, в суровые дни обороны Москвы, были захоронены воины соединений и частей, участвовавших в боях на северо-западных подступах к столице», на северном — «Павшим героям в битве великой, насмерть стоявшим в снегах Подмосковья — вечная слава и вечная память».

Текст надписей составлен архитектором Ираидой Георгиевной Кадиной. (49)

47, 48. Скульпторы Бурганов А.Н. и Жилкин Г.Д. на авторском надзоре.

50. Авторы и рабочая группа мемориала. Май 1975г

51, 52. Мемориал в Ховринском парке в наши дни.

49. Кадина И.Г. .

Проект получил общественное одобрение, а барельеф «Бой» скульпторов А.Н. Бурганова и Г.Д. Жилкина в гипсовом воплощении дважды выставлялся на Всесоюзных выставках: на Кузнецком мосту и в Манеже в 1972 и 1973 г.

Мемориал в Ховринском парке, торжественно открытый 7 мая 1975 года, стал излюбленным местом прогулок москвичей и приобрел большое воспитательное значение (50, 51, 52)